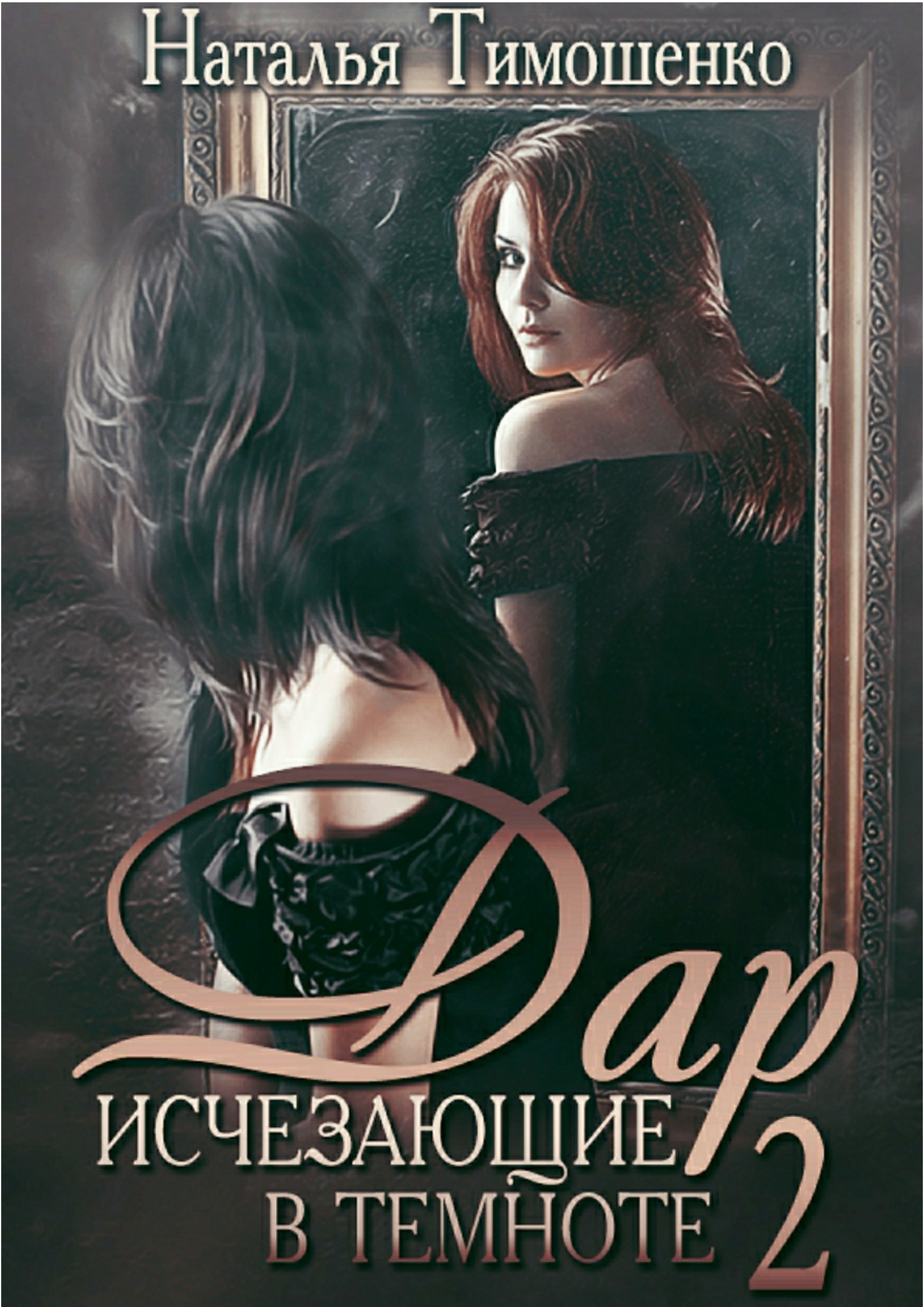
Наталья Тимошенко



Дар

Исчезающие в темноте

2

Наталья Тимошенко

Исчезающие в темноте – 2. Дар

«Автор»

2018

Тимошенко Н. В.

Исчезающие в темноте – 2. Дар / Н. В. Тимошенко — «Автор», 2018 — (Исчезающие в темноте)

Медиум, который перестал разговаривать с призраками, и целительница, которая не захотела помогать людям, — смогут ли они жить обычной жизнью или от способностей, дарованных свыше, нельзя отказаться? Четыре года Рите и Марку удавалось выглядеть нормальной семьей, и они надеялись, что так будет всегда. Рита знала, насколько опасно ей пользоваться даром, но когда кому-то требуется помощь, так сложно удержаться. Только правильно ли она понимает смысл своего дара? Способна ли отказаться от него навсегда, если появится такая возможность? И действительно ли они оба хотели стать обычными людьми?

© Тимошенко Н. В., 2018
© Автор, 2018

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 9
Глава 3 15
Глава 4 20
Глава 5 23
Глава 6 32
Глава 7 37
Глава 8 46
Глава 9 50
Конец ознакомительного фрагмента. 52

Наталья Тимошенко
Исчезающие в темноте – 2. Дар

Глава 1

18.. год

С тех пор, как мать схватилась за огромный живот и со стоном упала на диван, а отец засуетился, забегал вокруг нее, не зная, что делать, прошло почти три дня. На свет готовился появиться уже пятый ребенок в большой семье, а он каждый раз терялся, как будто это было впервые. Тогда еще никто не знал, что снегом занесет всю деревню, а роженице понадобится помощь, потому за доктором не послали.

Снег же не прекращался ни на минуту. Черная толстая туча, накрывшая деревню три дня назад, остановилась, зависла низко над землей и не собиралась никуда уходить. Сугробы намело такие, что приходилось откапывать дверь снаружи, чтобы выйти из дома. Снег залепил окна, кое-где добрался до крыш и заползал на них. В дымоходах завывал ветер, жалуясь на тяжкую долю и рождая в душах людей самые мрачные мысли. Крестьяне толпились у печей, а в большом доме помещика все время жгли свечи, чтобы было хоть что-то видно.

День смешался с ночью.

Поначалу из спальни, куда отнесли мать, слышались душераздирающие крики, от которых холодели руки и страх огромными волнами бежал по спине, но и они вскоре затихли. Со вчерашнего вечера из спальни доносились только бормотания повитухи да тревожный шепот слуг.

Вызвать доктора теперь было невозможно, поскольку дороги замело так, что никакая лошадь по ним пройти не могла. Утром отец все же распорядился послать за доктором конюха пешком, но тот до сих пор не вернулся. Его жена плакала на кухне, жаловалась кухарке.

– Что мне теперь делать? – спрашивала она, вытирая лицо грязным передником.

– Не плачь заранее, – не слишком уверенно утешала ее кухарка Матрена. – Может, вернется еще твой Степан. А если не вернется, барин не бросит.

– Поначалу, может, и не бросит, а потом? Шесть ртов в хате, младшему еще и года нет, да и старший дитя совсем, не справится с хозяйством. Как мне одной их кормить?

Матрена месила тесто для пшеничных лепешек и не знала, что на это ответить.

– А все из-за нее, ведьмы, – вдруг зло сказала жена конюха, – даже умереть по-человечески не может.

– Тише ты! – зашипела кухарка, бросая тесто и с ужасом глядя на собеседницу. – Что ты говоришь такое?

– То и говорю! Все знают, что барыня – ведьма. Оттого и умереть не может. Ведьмы не умирают, пока дар свой проклятый не передадут. Я слышала, как повитуха говорила, что ребенок помер уже, а она все мучается.

– И все равно молчи, – посоветовала ей Матрена, снова принимаясь за тесто. – Вдруг услышит кто?

– А мне все равно. Если Степан не вернется, то и нам всем до могилы недалече. И помрем мы быстрее барыни, уж поверь. Так что пусть слышат!

Однако слышать несчастную женщину было некому, кроме сидевшей за печью Лизы. Старших детей еще вчера увели наверх и не разрешали спускаться, говоря, что маменьке нужен покой, только на нее, тихо сидящую в углу с тряпичной куклой, никто не обращал внимания. На нее вообще редко обращали внимание, считая, что все равно ничего не поймет, а потому и не стеснялись говорить при ней разные вещи.

Получив от Матрены свежеиспеченную лепешку, Лиза подхватила куклу и быстро-быстро засеменила в ту часть дома, где находились родительские покои. Если во всем доме стояла мертвая, оглушающая тишина, сквозь которую так хорошо слышались плач и стоны ветра, то там еще теплилась жизнь. Из спальни, где сначала пыталась родить, а теперь умереть мать, иногда выходили толстые тетки в перепачканных кровью одеждах, выносили тазы с окрашенной в алый цвет водой и возвращались уже с чистой. Лиза знала, что колодец тоже замело, и для того, чтобы добыть воду, топили снег в огромных котлах прямо в печи.

Лиза спряталась за тяжелый шифоньер, чтобы никто не заметил ее, и откусила лепешку. Идти наверх, к остальным детям, она не хотела. Те не любили ее, а она была равнодушна к ним. Уж лучше остаться здесь, слушать, что говорят взрослые, да тихо жевать лепешку.

– А что толку от того доктора? – сказала одна из двух женщин, которые в очередной раз выносили из комнаты таз с кровавой водой. – Ребеночек-то лег поперек, и все, не выйдет теперь. В городе, говорят, разрезать могли бы живот, да достать, но теперь и это поздно. Помер он еще вчера, теперь травит барыню ядом своим.

– Она уже и не стонет почти, – с ужасом кивнула вторая женщина, гораздо более молодая, но такая же толстая и неопрятная. – Исповедаться бы ей теперь.

– Батюшка не придет, ты же знаешь, – перебила ее первая.

И Лизе вдруг показалось, что этот разговор имеет какое-то отношение к тому, что говорили женщины на кухне. Она только не понимала, почему не может прийти батюшка? Ведь небольшая церквушка есть прямо в деревне, через четыре дома, а батюшка живет при ней. Какой бы ни был снег, а дойти оттуда могла бы даже она.

– А ты что здесь делаешь? – вдруг раздалось над самой головой у Лизы, заставив ее испуганно вздрогнуть.

Она сразу узнала голос отца. Подняла голову и встретилась с ним взглядом, спрятавшимся под насупившимися косматыми бровями. Отец выглядел уставшим, под глазами залегли огромные тени, а рот недовольно скривился. Он никогда не бил Лизу, но та все равно его боялась, видя, как он наказывает розгами старших братьев. Вот и сейчас она сжалась в комок, прижимая к себе куклу и недоеденную лепешку. Но вместо того, чтобы вытащить ее из-за шифоньера, отец выпрямился и поискал кого-то взглядом.

– Авдотья! – позвал он, и Лиза догадалась, что где-то мимо как раз проходила няня. – Почему Лиза здесь, а не наверху, с остальными детьми?

Послышались тяжелые, шаркающие шаги, заскрипели деревянные половицы под немалым весом няни, а затем раздался и ее голос:

– Да разве ж за ней уследишь, Андрей Митрич? Мелкая она, егоза. Никакой дверью не удержишь, ни под каким замком не спрячешь.

– Отведи ее наверх и следи внимательнее, – приказал отец.

Две сильные руки подхватили Лизу подмышки и вытянули из-за шифоньера. Лиза зажмурилась от ужаса, но ничего страшного не последовало. Авдотья не успела даже шагу сделать, как из комнаты, где лежала больная, послышался ее слабый голос:

– Андрей, кто там? Кто-то из детей?

В коридоре повисла тишина, заставившая Лизу от любопытства открыть глаза. Отец и няня смотрели друг на друга, и няня почему-то отрицательно качала головой, глядя на отца с мольбой. На лице того не дрогнул ни один мускул, только косматые брови сошлись на переносице, как будто он о чем-то думал.

– Это Лиза, – громко сказал он. – Авдотья сейчас отнесет ее наверх. Больше она тебя не побеспокоит.

– Нет… – едва слышно раздалось из спальни. – Я хочу увидеть ее. Пусть мне принесут ее попрощаться.

– Андрей Митрич, нет! – зашептала няня, и у Лизы от ее шепота сжалось сердце в тревожном предчувствии.

– Авдотья, отнеси Лизу в комнату к матери, – приказал отец, и голос у него при этом стал как будто чужой.

– Андрей Митрич… – снова взмолилась няня.

– Мы не можем отказать в просьбе умирающей.

Няня все еще медлила. Тогда отец наклонился к ней близко-близко, так что Лиза почувствовала запах пота, табака и еще каких-то трав.

– Разве вам всем плохо жилось? Разве Машенька хоть кого-то обижала? Ругала? Может быть, била?

Няня еще сильнее покачала головой, словно боялась, что барин заподозрит ее в плохом отношении к хозяйке. Седые волосы заметались из стороны в сторону так быстро, что Лиза испугалась, как бы голова и вовсе не отлетела.

– Что вы, Андрей Митрич…

– Тогда почему ты отказываешь ей в просьбе? Почему боишься ее? У нас всегда всего было в достатке. Когда соседи страдали от неурожая, наши амбары ломились от зерна. Когда их заливало по весне, наши поля высыхали с первыми лучами солнца. Скот приносит много потомства, крестьяне здоровее некоторых соседских господ. Маша никогда не отказывала вам в просьбах, помогала, чем могла. – Отец выпрямился и закончил уже своим обычным голосом: – Отнеси Лизу попрощаться с матерью.

– Но ведь ей всего пятый годок… – предприняла последнюю попытку няня.

– Лучше она, чем кто-то из других детей, – отстраненно заметил отец.

Лиза поняла эту фразу лишь много лет спустя, а пока просто сильнее вцепилась пальцами в няню. Та кивнула и, не глядя больше ни на отца, ни на саму Лизу, шагнула в комнату. Поставив девочку на пол, она чуть подтолкнула ее в спину.

– Иди, Лиза, обними маменьку.

Лиза застыла в той же позе, в которой ее поставили на пол. Большая спальня пропахла травами, которыми пахло и от отца, а еще чем-то терпким, неприятным, от чего хотелось закрыть нос руками и дышать ртом. Мать лежала посреди смятой постели, опершись спиной на подушки, и выглядела очень бледной. Влажные волосы ее липли к лицу, а глаза как будто провалились в череп. Лизе даже на мгновение пришло в голову, что в ней совсем не осталось крови. Не зря же женщины уже два дня выносили ее в тазах. Большой живот прикрывала окровавленная простыня, и Лиза знала, что в нем лежит мертвый ребенок.

В головах у матери сидела молодая девушка. Лиза видела ее впервые, и совершенно точно знала, что она не из их поместья. Одета гостья была хорошо, в темно-бордовое бархатное платье и такого же цвета перчатки и сапожки. Рыжие, почти красные волосы ее были собраны в замысловатую прическу и украшены сверкающими в пламени свечей бусинами. И сами волосы как будто тоже сверкали огнем, переливались и мерцали. Лиза замерла, разглядывая их. Казалось, что незнакомка приехала сюда прямо с бала, вот-вот махнет веером и зазвучит веселая музыка. Выйдут из тени кавалеры, пригласят на танец дам, раздастся смех и звон бокалов. Сама Лиза никогда такого не видела, но мать часто рассказывала о балах и танцах, когда была еще здорова.

Мать протянула к Лизе руки и улыбнулась, а затем повернулась к хлопочущим чуть в стороне женщинам.

– Оставьте нас.

Те послушно вышли из комнаты, бросая на Лизу испуганные взгляды, и закрыли за собой дверь. Остались только мать, Лиза и незнакомая девушка.

– Дитя мое, иди ко мне.

Лиза несмело приблизилась к матери, с каждым шагом чувствуя непонятную тревогу внутри. И когда руки матери уже почти дотянулись до нее, незнакомка вдруг поднялась с кровати и встала между ними. Лиза не видела больше лица матери, но слышала, как тяжело она вздохнула.

Девушка тем временем наклонилась к Лизе и взяла в ладони ее лицо. От ее рук щекам было так тепло и мягко, словно она прижалась к маленькому котенку, которых каждый год приносит пушистая трехцветная кошка во дворе. Лиза даже глаза закрыла от удовольствия, представляя, как маленькие комочки мурчат и перебирают лапками, чуть-чуть царапая кожу острыми коготками. Но затем, разбивая видение, лба коснулось что-то холодное, гораздо холоднее снега. Лиза открыла глаза и закричала, но некому было услышать ее и прийти на помощь. Поцеловав ее в лоб, девушка отстранилась и улыбнулась ей. Лизу все еще трясло от холода, и теплые руки неизвестной гостьи больше не грели. Девушка отпустила ее и бесшумно скрылась за дверью, а Лиза так и осталась стоять, глядя на постель, где лежала, откинувшись на подушки, мать и невидящим взглядом смотрела в потолок. Теперь она была так же мертва, как и неродившийся ребенок в ее животе.

Глава 2

Наши дни

К концу третьего дня бесконечных походов по рождественским ярмаркам и прогулок по празднично украшенным улицам и площадям Рита выдохлась настолько, что всерьез рассматривала вариант завтра сказаться больной и остаться в отеле. Просто чтобы спокойно полежать в тишине, почитать книжку или полистать сайты в Интернете. Не есть бесконечные сладости, от которых уже тошнит, не покупать вторую сотню елочных игрушек, которые уже некуда девать, и – самое главное – не ходить. Ей казалось, что ноги скоро просто-напросто отвалятся.

Они приехали в Вену три дня назад: она, Марк, бабушка и Соня. Бабушка, которой в следующем году стукнет восемьдесят, не могла больше путешествовать одна, хоть и отчаянно храбрилась, уверяя Риту, что справится самостоятельно, если у них есть какие-то планы. Нарушать вновь восстановившуюся после многолетнего перерыва традицию ездить в декабре к дорогой подружке в любимый город она не хотела. Бригитта Шульц, подружка бабушки, была еще старше нее самой, а потому, по их собственным уверениям, каждая встреча могла стать последней. В этом году бабуля часто болела и иногда жаловалась на сердце, поэтому отпускать ее одну было бы верхом неразумности. Немного посовещавшись, Марк и Рита решили тоже поехать в Вену. Работа Марка не требовала ежедневного посещения офиса, Рита находилась в декретном отпуске, поскольку Соне еще не исполнилось трех лет, а потому они вполне могли позволить себе маленькое путешествие.

Фрау Шульц и Вера Никифоровна предпочитали ходить по театрам и концертам, выбираясь на рождественские ярмарки лишь к вечеру и перемежая их посещением бесконечных венских кофеен, предоставляя возможность «молодежи гулять самим, не оглядываясь на двух старых развалин». Бабуля, всю жизнь преподававшая немецкий язык, знала его в совершенстве, в то время как Рита и Марк не были способны оценить и вообще понять оперное пение на чужом языке. Хотя Рита всю жизнь прожила с бабушкой и немецкий учила с первого класса, а Марк происходил из семьи, болезненно гордящейся своими немецкими корнями, этот язык так и не стал им достаточно близким.

Если Рита еще понимала, что привлекает в ярмарках трехлетнего ребенка, тоннами лопающего сладости и не слезающего с многочисленных каруселей, то как может бесконечно ходить по ним человек, не расстающийся с тростью, она представляла плохо. Видела, как Марк по вечерам почти горстью глотает обезболивающие таблетки, которые обычно не употребляет принципиально, а утром снова встает раньше всех и требует идти гулять.

– Я просто никогда раньше не был на рождественских ярмарках в Вене, представляешь? – усмехнулся он, когда Рита спросила об этом по дороге на очередную площадь.

Сегодня они отправились на небольшую ярмарку в западном районе города, поскольку именно здесь бабушка и фрау Шульц наслаждались очередным театральным представлением.

– В других городах был, в Вене был в другое время года, а вот ярмарки и Вена никогда не совпадали. А это, оказывается, весьма завораживающее зрелище. – Марк скосил на нее глаза и улыбнулся шире. – Ты устала, что ли? Хочешь остаться завтра в отеле?

– По крайней мере, выйти из него ближе к вечеру точно не откажусь, – честно призналась Рита, чувствуя, как при каждом шаге боль от ступней поднимается к коленям, плотно охватывает голени и как будто стягивает с них кожу. Она не привыкла столько ходить.

– Гретхен, – Марк посмотрел на сидящую у него на руках девочку, – твоя мать выдохлась на третьем круге. Мы победили, как я и говорил.

Соня беззвучно рассмеялась, заставив улыбнуться и Риту, хоть она пыталась напустить на себя обиженный вид. Эти двое всегда находили общий язык и строили козни против нее. Детские, смешные, нелепые, но всегда совместные. Если бы кто-то сказал Рите четыре года

назад, когда она только познакомилась с Марком, что этот язвительный, циничный, немного хамоватый, но такой обаятельный медиум, который не может нормально ходить после тяжелой аварии и разговаривает с призраками после нее же, станет лучшим в мире отцом, она бы ни за что в жизни не поверила. Впрочем, иногда ей казалось, что все дело в необычности их ребенка. Возможно, если бы Соня была самой обыкновенной девочкой, Марк не проявлял бы к ней столько интереса.

– Ладно, – смилостивился Марк. – Завтра отдыхай, мы с Гретхен сами погуляем. Снова сходим на Ратушную площадь. Если прийти пораньше, то в кафе напротив ярмарки можно занять столик у самого окна. Оттуда открывается прекрасный вид на нее. Я как раз хотел сделать несколько набросков. Гретхен тоже порисует, правда? – он снова вопросительно посмотрел на дочь, и та активно закивала головой.

Она пошла в отца-художника не только внешностью, заполучив светлые волосы и карие глаза, но и любовью к рисованию. О таланте пока говорить было рано, хоть Марк и утверждал, что он у нее определенно есть, но, по крайней мере, желание бесконечно пачкать карандашами и красками альбомные листы, а иногда и стены, у нее точно было. Пару месяцев назад Марк записал ее в художественный кружок, и она оставляла далеко позади даже детей постарше.

Они гуляли по ярмарке до самого вечера, наслаждаясь горячим вином со специями, запах которого витал над городом, яблоками в карамели, предрождественской веселой атмосферой, и лишь однажды прервались на поздний обед в ресторанчике неподалеку.

На город уже опустилась темнота, усиливая ароматы праздника, засверкала и заискрилась яркими красками площадь и все на ней: деревья, бесконечные павильоны с едой, игрушками и сувенирами, карусели для детей, кукольный театр и – самое главное – высокая нарядная ель. И хоть снег в этом году не спешил радовать жителей столицы Австрии, приближение чуда так и витало в воздухе.

Марк хромал уже так сильно, что Соне пришлось ходить самой, лишь держа его за руку, но и она все чаще терла глаза и даже отказалась от очередного имбирного пряника, которые поглощала как маленькая черная дыра.

– Может, начнем выдвигаться в сторону отеля? – предложила Рита, видя все это дело. – Я напишу бабушке смс, она возьмет такси, доберется до отеля сама. А чуть позже все вместе поужинаем где-нибудь.

– Может, и правильно, – вздохнул Марк, но Соня тут же дернула его за руку и указала куда-то вперед. – Еще карусели? – обреченно вздохнул он.

Девочка кивнула. Марк вопросительно посмотрел на Риту. Та присела на корточки, оказавшись с дочерью одного роста и улыбнулась.

– Может быть, завтра?

Соня сердито нахмурилась.

– Мы придем свежие, отдохнувшие. Ты будешь кататься столько, сколько захочешь, обещаю тебе.

Пшеничного цвета брови почти сошлись над карими глазами, а нижняя губа выпятилась так сильно, что рисковала стать длиннее курносого носика.

Марк сдался первым.

– Ну ладно, но один круг.

Соня радостно улыбнулась и хлопнула в ладоши.

– Она из тебя веревки вьет, – тихо заявила Рита, снова поднимаясь на ноги.

– Зато я добрый полицейский, а ты злой, – усмехнулся Марк. – И поэтому ты завидуешь. – Он коснулся губами кончика ее носа. – Мы быстро.

Рита несколько секунд наблюдала за тем, как они вдвоем шли в сторону каруселей: мужчина, который слышит призраков, и девочка, которая за всю свою жизнь не произнесла ни звука. Каждый раз, когда Рита смотрела на них, что-то странное шевелилось внутри нее. Таин-

ственное и непонятное, как предчувствие чего-то важного, но чего именно, Рита не могла определить. Два самых необычных в мире человека. Впрочем, она тоже прекрасно вливалась в их компанию со своим даром, который уже начала ненавидеть. Может быть, у таких людей, как она и Марк, просто не мог родиться другой ребенок?

Купив глинтвейн в большой красивой чашке – в основном из-за самой чашки, за которую пришлось немного переплатить, зато можно было не возвращать и оставить себе в подарок, – Рита нашла скамейку и опустилась на нее, вытащив из сумки телефон. Она прекрасно знала и Марка, и Соню: одним кругом на карусели они не ограничатся.

Сразу после Нового года ей предстояло выйти на работу, поэтому все свободное время она посвящала подготовке: читала научные статьи, чтобы быть в курсе новых тенденций, учебники, чтобы вспомнить что-то, если вдруг забыла, и просто последние новости из мира медицины. Она любила свою профессию, долго шла к ней и даже была немного расстроена, когда поработать удалось всего полтора года. Собиралась выйти из декретного отпуска, едва ребенку исполнится два года, но сразу после рождения Сони поняла, что это невозможно. Девочка не была немой, это в один голос твердили все врачи. Она прекрасно слышала, улавливала не только интонации, но и понимала слова, только ничего не говорила. Немые люди все же умеют издавать хоть какие-то звуки: мычание, смех, плач. Соня же не умела ничего из этого. Как отправлять ее в детский сад, Рита понимала плохо, поэтому решила дать ей еще немного времени. Вариант отправить ее в специальную группу к глухонемым детям они на семейном совете отмели сразу. Возможно, именно это и не давало ей покоя каждый раз, когда она смотрела на дочь. Она еще такая маленькая, как она справится с трудностями, как переживет осознание, что она не такая, как другие дети?

Рита так увлеклась чтением очередной статьи, что перестала замечать время. Очнулась лишь тогда, когда кто-то совсем рядом окликнул ее:

– Эй, девушка, вы меня слышите?

Она оторвалась от телефона и не сразу поняла, что именно ее удивило, лишь секунду спустя сообразив: к ней обращались по-русски. Конечно, на ярмарке было полно туристов из русскоговорящих стран, она то и дело слышала русскую речь, но ведь сама сейчас молчала. Как в ней узнали русскую? Хотя, вполне возможно, девушка, стоящая перед ней, просто не знала другого языка. Или же умудрилась заглянуть в телефон и увидеть знакомые буквы.

Неожиданная собеседница выглядела необычно: невысокого роста, в черном пальто нараспашку, с длинным вязаным шарфом, обвивающем шею как удав, в рваных джинсах, из которых выглядывали уже посиневшие от холода коленки, чуть растянутом свитере, ботинках на толстой подошве и с ярким рюкзаком за плечами, она больше всего походила на американских хиппи. На вид ей было не больше восемнадцати, но, возможно, несколько лет скрадывало полное отсутствие макияжа. Рите казалось, что в современном мире девочки красятся практически с первого класса школы. С появлением Сони она начала внимательнее относиться к таким вещам, хотя Соне, конечно же, до этого было еще далеко.

– Простите? – Рита вопросительно приподняла брови.

– Не хотите шарики купить?

Девушка-хиппи сунула ей под нос большую коробку, в которой лежали четыре новогодних шара удивительной красоты: больших, ярко-оранжевых, цвета первых одуванчиков, расписанных явно вручную серебристой краской, посыпанные сверху блестками. Рита с трудом заставила себя оторвать взгляд от красоты.

– Спасибо, – она с сожалением покачала головой. – Мы накупили уже на пять елок.

– Пожалуйста, – девушка не собиралась так быстро сдаваться. – Всего двадцать евро. Я не рассчитала немного, потратила все деньги. Самолет домой только завтра, а есть хочется уже сегодня, – оно озорно улыбнулась, и Рита не выдержала.

Игрушки на самом деле были невероятно красивыми. Наверняка стоили под сотню евро, за двадцать невозможно было устоять. Вдобавок они очень походили на елочный шар, который давно, когда Рите было двенадцать и она с бабушкой приехала в Вену первый раз, фрау Шульц купила ей в подарок на ярмарке. Только тот шар был серебристого цвета. Рита очень любила его и рыдала два дня, когда однажды по неосторожности разбила.

И она не удержалась.

– Спасибо вам! – горячо поблагодарила девушка, получив заветную бумажку и сунув ей в руки коробку.

Рита не успела ничего ответить, как девушка уже бросилась бежать, на ходу помахав кому-то рукой. Быть может, подружке или молодому человеку, с которым приехала сюда. Рита ей даже немного позавидовала. Она всегда была слишком правильной, слишком прагматичной. Старалась просчитывать свои действия наперед, тщательно контролировала доходы и расходы, крайне редко совершала что-нибудь спонтанное. Она никогда не смогла бы потратить все деньги в путешествии и потом продавать покупки, чтобы дождаться самолета или оплатить обратный билет. Вот Марк наверняка смог бы.

Стоило только вспомнить о нем, как они с Соней появились в поле зрения. Соня держала в руках очередной красочный пакет, а Марк крутил головой в разные стороны, наверное, выискивая взглядом Риту. Она помахала ему рукой, привлекая внимание.

– Это не ребенок, а электровеник, – пожаловался Марк, опускаясь на скамейку рядом с ней и вытягивая левую ногу, едва заметно поглаживая колено ладонью.

– Что, добрый полицейский начал звереть? – поддела Рита.

Марк состроил ей рожицу, но вместо ответа заинтересованно посмотрел на коробку в ее руках.

– А я смотрю, ты времени даром тоже не теряла. А кто вчера говорил, что нам уже хватит игрушек?

– Оно само в руки упало, – рассмеялась она, коротко пересказав ему разговор с девушкой-хиппи, не умеющей рассчитывать бюджет. – Я подумала, что можно подарить всем родственникам по шарику: один бабуле, один твоей сестре, еще один – родителям. Будет такая маленькая семейная реликвия, как, знаешь, были когда-то модными кулоны с двумя половинками сердца для влюбленных.

Марк удивленно нахмурился, как будто пересчитывал в уме игрушки и людей, кому Рита собралась их дарить. Поженившись, они какое-то время жили в его квартире-студии, но после рождения Сони перебрались к Вере Никифоровне. У той было три комнаты, и они вполне комфортно могли жить все вместе, оставив студию действительно студией. Соответственно, и елку ставили общую. Значит, последний шар достанется вовсе не им самим.

– А кому четвертый?

Рита смутилась, преувеличенно внимательно наблюдая за прыгающей на одной ноге возле домика с жареными каштанами Соней, которая, казалось, уже забыла об усталости, а затем повернулась к Марку.

– Я хочу предложить позвать на Рождество твоего брата с семьей.

Судя по выражению его лица, он подумал, что ослышался.

– Зачем?

Рита подозревала подобную реакцию, и давно мысленно выстроила целый монолог, призванный убедить его в правильности такого решения, однако сейчас все заготовленные слова вылетели из головы.

– Потому что это неправильно, – сказала она. – Он твой брат, и это неправильно, что вы не общаетесь.

– Я три года спал с его женой, – с сарказмом напомнил Марк. – Ты думаешь, мы можем нормально общаться?

– Но ведь вы же общались после этого восемь лет.

– Ключевое слово, Рита, – нормально, – сквозь зубы процедил он. – *Нормально* мы не общались.

Рита почувствовала, как от волнения вспотели ладони, хотя на улице стоял небольшой мороз, и закружилась голова, но отступать она не собиралась. Да и некуда теперь было.

– Так может быть, пришло время все исправить? – стараясь, чтобы голос не дрожал, спросила она. – Марк, нельзя жить прошлыми обидами. Да, те восемь лет вы нормально не общались. Вы портили жизнь друг другу и всем вокруг. Может быть, пора это исправить?

– Думаю, родители не согласятся. Всем было хорошо последние четыре года, когда мы не пересекались.

– Родители будут только за, если вы наконец помиритесь.

Марк наконец посмотрел на нее, и Рита поняла, что он обо всем догадался.

– Вы ведь уже говорили об этом, так? – спросил он и, не дожидаясь ее ответа, продолжил: – Может быть, и с Францем уже все обсудили?

Рита молчала. Идея позвать старшего брата Марка на Рождество пришла ей в голову около месяца назад. Его родители предложение горячо поддержали, хоть отец и высказывал сомнения, что добром это не кончится. Однако они взяли на себя заботу уговорить Франца, а Рита должна была решить вопрос с Марком. И вот, кажется, она свое задание бесславно провалила.

– Вот как, – глухо произнес он, правильно истолковав ее молчание. – Ну что ж, очень приятно, что вы все решили за моей спиной.

Он поднялся со скамейки и оглянулся в поисках Сони. Та уже переместилась от домика с каштанами к домику с яркими игрушками. Найдя ее взглядом, Марк подхватил трость и так быстро, как мог, направился к ней.

– Марк! – Рита поднялась следом. – Марк, постой!

Несколько прохожих оглянулись на них, и Рита поспешила следом за ним, чтобы не кричать.

– Марк, послушай…

Однако он не слушал. Торопливо шел вперед и даже не оглядывался, хотя наверняка слышал ее.

– Гретхен! – позвал он.

Девочка, в отличие от него, на зов сразу обернулась и вприпрыжку побежала к нему. Марк подхватил ее на руки так легко, словно не хромал только что, сильно опираясь на трость. Рита догнала его, когда девочка с широкой улыбкой уже что-то показывала ему в той стороне, откуда прибежала.

– Марк, – прилично запыхавшись, снова начала Рита, останавливаясь рядом с ними. – Так нельзя…

Ее слова оборвал визг тормозов где-то позади них, глухой удар, а затем женский крик. Они переглянулись, замерли на мгновение, и Рита первой бросилась туда. Марк с Соней на руках поторопился следом. На узкой односторонней дороге, где было совсем мало машин, и те не разгонялись слишком сильно, поскольку вокруг бродили толпы туристов, замер на аварийной сигнализации небольшой красный автомобиль. Рядом с распахнутой водительской дверцей стояла пожилая женщина, держась одной рукой за машину, а второй за сердце.

– Она бросилась мне под колеса, сама бросилась, – всхлипывая, утверждала она по-немецки.

Небольшое количество народа уже столпилось на краю тротуара, испуганно глядя на лежащее перед машиной тело. Кто-то звонил по телефону, кто-то старался увести детей, но большинство просто смотрело.

– Пропустите, я врач, – еле вспомнив, как это будет на немецком, велела Рита, пробираясь к пострадавшему.

Девушку она узнала сразу: получасом ранее именно она продала ей те самые желтые шары, которые наверняка разбились вдребезги, когда Рита бросила пакет на асфальт и присела возле пострадавшей.

То, что она мертва, стало ясно сразу: из-под ее головы разливалась большая темная лужа, быстро увеличиваясь в размерах, а безжизненные глаза слепо смотрели в переливающееся огнями рождественского города небо. Длинный вязаный шарф размотался, держась теперь за шею лишь самым кончиком, а один ботинок слетел с ноги и лежал под колесом машины.

Почти сразу Рита почувствовала, как кожа на ее ладонях стала на несколько градусов горячее, в нее вонзились тысячи мелких иголочек, которые не приносили боли, но вызывали желание приложить руки к голове мертвой девушки и впустить в нее таинственные серебристые нити, уже начавшие завязываться внутри нее.

– Рита, нет!

Она подняла голову и только тогда поняла, что Марк стоит рядом, и Соня во все глаза смотрит на мертвое тело.

– Унеси Соню отсюда.

– Она умерла, ты не можешь помочь.

– Ты же знаешь, что могу.

– Нельзя помочь всем.

Рита закусила губу и посмотрела на мертвую девушку. Марк прав. Нельзя помочь всем. Она убеждала себя в этом с того самого момента, как вообще узнала о своем даре. У нее есть муж, дочь, бабушка – и в первую очередь она должна думать о них, а не о незнакомых девушках, случайно оказавшихся не там, где нужно.

Но разве Марка когда-то она спасла не так? Она ведь не знала его, видела впервые в жизни, он был ей абсолютно никем. Тысячи машин ежедневно попадают в аварии, сотни людей гибнут в них. И если бы она тогда задумалась над тем, что не может спасти всех, он не стоял бы сейчас рядом с их дочерью на руках.

Рита медленно опустила руки, чувствуя, как маленькие иголочки исчезают одна за другой, серебристые нити обиженно растворяются в ее голове, а затем с трудом поднялась на ноги, чуть отходя от девушки, которой не могла помочь. Где-то вдали завыла сирена службы спасения, возвещая о том, что ее участие больше и не нужно.

Глава 3

На третьем этаже маленького, но уютного отеля было тихо и спокойно. Большинство постояльцев уже находились в своих номерах, устав от прогулок, а те, у которых еще имелись силы, в отель пока не вернулись. Рита тихонько закрыла дверь соседнего номера, придерживая ее обеими руками, чтобы она не хлопнула от нечаянного сквозняка, и практически на цыпочках дошла до своего.

Марк полулежал на кровати, привычно опершись спиной на подушку и положив большой альбом на колено согнутой правой ноги. Левая, особенно сильно пострадавшая во время аварии, оставалась выпрямлена, и Рита была уверена, что завтра он на нее уже не ступит. Не то чтобы она не предупреждала…

Он что-то рисовал в альбоме простым карандашом и удивленно посмотрел на нее, когда она вошла одна.

– А где Гретхен?

Рита ушла в соседний номер, где поселили бабушку, несколько минут назад, чтобы забрать девочку. Это была их давняя традиция: Вера Никифоровна всегда читала правнучке перед сном книжки. Соня любила приносить ей выбранную самостоятельно книгу, забираться к ней под одеяло и слушать. Иногда Рите казалось, что ей нравятся не сами сказки, а голос бабушки, потому что уж слишком разными были выбранные книги: от сказок и детских энциклопедий до мемуаров известных людей и инструкции к телевизору. При том, что за всю свою жизнь девочка не произнесла ни звука, даже смеялась и плакала совершенно беззвучно с самого рождения, она прекрасно слышала и больше всего любила именно слушать: музыку, радио, голоса знакомых людей, даже просто разговоры прохожих на улице. Рите иногда казалось, что слух у нее гораздо острее, чем у обычных людей, а Марк на полном серьезе со следующего года собирался отдавать ее в музыкальную школу вдобавок к художественной, не забывая добавлять, конечно, что только при условии ее желания. Он прекрасно знал, каково это – отстаивать право на свои собственные увлечения и таланты.

– Бабуля усыпила не только ее, но и себя, – с улыбкой сообщила Рита, присаживаясь на кровать рядом с ним, – я не стала забирать ее, пусть уж спит там.

Она взяла в руки несколько рисунков разной степени готовности, которые валялись на кровати. На них Марк легкими штрихами обычного простого карандаша изображал все, что попадалось ему на глаза за эти дни. Здесь была и архитектура старого города, и веселящиеся туристы на ярмарке, и задумчивый австриец за соседним столиком в кафе, и простые зарисовки венских улиц, и, конечно же, они с Соней. Больше всего Марк любил пейзажи, утверждая, что портреты у него получаются не так хорошо. Однако, на взгляд Риты, это было некоторым лукавством. Портреты тоже выходили чудесными и легко узнаваемыми.

Отложив в сторону рисунки, она переместила ладонь ему на колено и легонько погладила, стараясь сделать это максимально естественно, как будто ей просто была нужна точка опоры. Серебристые нити тут же заструились через кожу, словно только и ждали команды. Рите даже приходилось сдерживать их, чтобы Марк ничего не заметил. Она давно научилась это делать. Понимала, что это вредно для нее, но убеждала себя, что если иногда и совсем чуть-чуть, ничего страшного не случится. У нее самой нога даже ни разу не заболела после таких сеансов, но Марк, конечно же, не позволил бы ей этого делать, если бы узнал.

Пару лет назад Рите удалось уговорить его наконец возобновить лечение травмированной ноги. Раньше он находил тысячи причин, чтобы не делать этого, но затем наконец согласился. То ли устал искать отговорки, то ли сам осознал необходимость лечения. Физиотерапия, лечебная физкультура и курсы препаратов медленно, но помогали. По квартире он уже мог передвигаться без трости, свободно водил машину и мог иногда поиграть с Соней на улице.

Конечно, бегать он не сможет никогда, но это уже было прогрессом по сравнению с тем, каким он был, когда они только познакомились. Четыре года назад он мог пройти без трости разве что от дивана до кресла, даже стоял без нее с трудом.

Однако очень часто после особенно активных тренировок нога болела еще сильнее, чем раньше. Рита понимала это по выражению его лица, когда он думал, что никто не видит. И не могла сдержаться. Совсем чуть-чуть серебристых нитей не причиняли ей вреда, но так помогали ему.

Марк вдруг перевел взгляд с ее лица на руку, все еще лежавшую у него на колене, и Рита испугалась, что он что-то почувствовал. Она тут же убрала ладонь и кивнула на альбом, который он держал в руках:

– Что ты рисуешь?

Марк посмотрел на рисунок, как будто сам уже забыл, что рисовал, а затем пожал плечами.

– Ерунда.

Рита пересела так, чтобы видеть рисунок. На белом листе была закрашена лишь середина, все тем же простым карандашом, дающим лишь серый цвет. Среди беспорядочных штрихов выделялись человеческие фигуры: мужчины, женщины, дети. По самому краю Марк зацепил даже несколько по-новогоднему украшенных деревянных домиков, что позволило Рите узнать сегодняшнюю ярмарку. Но не это больше всего привлекло ее внимание: среди всех фигур, чуть в стороне прыгала на одной ноге Соня, а рядом с ней стояла женщина. Или даже правильнее сказать молодая девушка. На ней было длинное пальто, прикрывающее колени, невысокие сапоги на тонких каблуках и интересная шляпка с широкими полями, тенью падающая на лицо. И если весь рисунок Марк набросал лишь легкими штрихами, то Соню и неизвестную девушку прорисовал гораздо тщательнее.

– Кто это? – поинтересовалась Рита.

– Да так, видел ее на ярмарке. Кажется, Гретхен успела с ней познакомиться, – усмехнулся он. – Как раз в тот момент, когда ты поставила меня в известность о своих планах.

Рита сделала вид, что не услышала последнюю фразу.

– Красивая.

Марк удивленно посмотрел на нее.

– Ты ревнуешь?

– Я всегда ревную, когда ты рисуешь других женщин, – со смешком призналась Рита. На самом деле он рисовал других женщин не так уж и часто, только если они действительно чем-то цепляли воображение. И Рита никогда не ревновала. Но сейчас ей хотелось увести разговор в другую сторону, чтобы он снова не вспомнил про свое колено и ее руку на нем.

– Ты серьезно? – он комично приподнял брови.

– А то ты не знаешь? Небось специально оставляешь все портреты на видном месте в студии.

Марк рассмеялся, обняв ее одной рукой за плечи, снова посмотрел на рисунок, а затем отбросил его в сторону.

– Она была действительно красивой, – специально подначил он. – И Гретхен явно понравилась. Ты бы видела, как она вокруг нее прыгала. Удивительное умение у этого ребенка сходиться с незнакомыми людьми.

– Надо было познакомиться, что же ты? – поддела в свою очередь Рита.

– Настроение было не то. А потом еще эта авария…

Рита тяжело вздохнула, вспоминая произошедшее. Бедная девушка, несколькими минутами ранее продавшая ей елочные игрушки. Рита ни на секунду не верила в то, что она специально бросилась под машину. Девушка не была похожа на самоубийцу, продавала игрушки, чтобы выручить денег на еду, строила планы, казалась веселой и беззаботной. Если само-

убийцы нынче выглядят так, то Рита определенно не понимает в этой жизни чего-то важного. Наверное, она просто торопилась перебежать дорогу в неположенном месте, а старушка-водитель испугалась и не среагировала вовремя.

– Знаешь, я всегда отвратительно себя чувствую, когда оказываюсь в таких ситуациях, – тихо призналась Рита, не глядя больше на Марка, но оставаясь в его объятиях.

– Потому что не можешь помочь?

– Потому что могу помочь. Могу, но не помогаю. Потому что жалею себя, боюсь.

– Это нормально, Рита. У тебя есть дочь, бабушка, я в конце концов. У тебя есть своя жизнь, и ты не обязана ею жертвовать ради других.

– Но ведь я же жертвовала несколько раз.

– Во-первых, ты тогда не знала, что это опасно для тебя, что ты не лечишь, а забираешь болезни на себя, пусть и в более слабой форме. Во-вторых, ты делала это ради тех, кто тебе важен.

Рита усмехнулась.

– Хочу заметить, что ты мне был не очень-то важен. Я тебя вообще не знала, когда спасла в первый раз.

– Это было провидение, – без тени улыбки заключил Марк. – Вселенная знала, что однажды я тебе пригожусь.

Рита рассмеялась, положив голову ему на плечо. Может быть, в тот момент, когда большой внедорожник поскользнулся на мокрой дороге и вылетел на встречную полосу, протаранив машину Марка, Вселенная что-то и знала, но она, Рита, уж точно не предполагала ни того, что спасать ему жизнь опасно для нее, ни того, что восемь лет спустя он найдет ее, чтобы уже не расставаться. Она просто работала на «скорой» и нечаянно оказалась рядом. Даже о своем даре она тогда ничего не знала.

– Самоуверенности тебе не занимать, – хмыкнула она, удобнее устраиваясь в его объятиях.

– А я этого никогда и не скрывал.

И это было правдой. Марк никогда не сомневался в собственной исключительности. Порой он казался ей такой эгоистичной сволочью, что она психовала и уходила. В первые месяцы знакомства они несколько раз ссорились, расходились навсегда и снова возвращались друг к другу. И даже за те годы, что они были женаты, ей все еще иногда хотелось если не убить его, то как минимум ударить. Желательно сковородкой по голове. Останавливало лишь то, что теперь в его понятие «эгоизма» входили и они с Соней.

Сама она была не такой. Воспитанная бабушкой-преподавателем, Рита еще в глубоком детстве заработала себе синдром отличницы, которая страшно боится кого-то обидеть, не оправдать ожиданий, оказаться хуже, чем о ней думали. Она не умела отказывать и отстаивать свое мнение, отчего частенько страдала. Бабушка иногда со смехом замечала, что они с Марком прекрасно уравновешивают друг друга.

– И знаешь, что я сейчас могу с самоуверенностью заявить? – внезапно прошептал он ей на ухо. Рита заинтересованно обернулась к нему. – Что раз Гретхен сегодня спит не с нами, нас ожидает весьма приятная ночь.

Рита рассмеялась, позволяя ему расстегнуть пуговицы ее рубашки и забраться рукой под нее. Он неаккуратно откинул от себя альбом с рисунками, претворяя план в действие прямо сейчас. Губы скользнули по ее щеке, по шее, прошлись по ключице и спустились еще ниже к груди. Вторая рука уже успела ловко расправиться с ремнем ее джинсов.

Рита запустила пальцы в его изрядно отросшие светлые волосы, пропуская между ними пряди. Марк ненавидел стричься. Посещение парикмахерской считал зря потерянным временем, которое можно было потратить на нечто более важное. Это казалось Рите смешным, поскольку он мог час, два, а порой и полдня сидеть на подоконнике и пялиться в окно, поэтому

иногда ей приходилось практически пинками выгонять его в салон. Обычно это случалось тогда, когда волосы становились уже неприличной, на ее взгляд, длины. И тем не менее она обожала в такие минуты, как сейчас, запускать в них пальцы.

Чисто вымытые пряди, еще влажные после душа, скользнули по коже, но не выскользнули, когда она чуть потянула за них, а остались в ее руке. Рита замерла на мгновение, осознавая это легкое движение уже чуть затуманенным мозгом, а затем открыла глаза. Огромный клок волос действительно остался в ее пальцах, отделившись от головы вместе с кожей. Рита шумно выдохнула, перевела взгляд на лицо Марка и тут же закричала. То, что находилось перед ней, меньше всего напоминало лицо живого человека. Кожа посерела, в буквальном смысле приобрела землистый оттенок, покрылась черными пятнами и тонким пергаментом обтягивала кости. Вместо знакомых карих глаз на нее смотрели пустые глазницы, губы высохли, обнажив два ряда зубов, нос провалился.

Рита оттолкнула от себя это чудовище и бросилась вон с кровати, но запуталась ногой в одеяле и упала на пол. Она не оборачивалась, торопливо отползая к стене и судорожно вспоминая, в какой стороне выход. Спиной чувствовала, что Марк – или то, что находилось с ней в постели – двинулось на нее. Так и найдя выхода, она забилась в угол и закрылась руками, как будто это могло помочь.

– Рита! – теплая ладонь коснулась обнаженного плеча и знакомый голос послышался совсем рядом. – Ты чего?

Она чуть-чуть опустила ладони, которыми закрывала лицо, и со страхом приоткрыла глаза. Марк сидел рядом с ней, обычный, живой, и с тревогой смотрел на нее. Она протянула руку и осторожно коснулась кончиками пальцев его щеки, проверяя, не кажется ли он ей. Но нет, щека была теплой на ощупь, немного колючей, потому что бриться он не любил так же, как и стричься, мягкой и знакомой. Рита скользнула рукой вверх и чуть потянула за волосы, но те сидели крепко, как и полагается.

– Рит? – снова позвал Марк, не понимая смысла ее действий.

Она перевела взгляд на его лицо. В его глазах была тревога, в обычных карих глазах.

– Что с тобой?

Она потерла лицо руками и смущенно улыбнулась.

– Кажется, я уснула и успела увидеть кошмар.

– Уснула? – Марк удивленно вздернул брови. – В тот момент, когда мы занимались любовью? – Он отпустил ее плечо, которое все это время сжимал, и сел рядом. – Я был настолько плох? – Он улыбался, но Рита все еще видела тревогу в его глазах. И вовсе не поводу своих способностей в постели. Он прекрасно понимал, что она не могла уснуть, и она это понимала, но никакого другого объяснения тому, что видела, придумать не могла.

Рита выдавила из себя ответную улыбку.

– Наверное, я просто устала. И переволновалась сегодня. Прости. Продолжим?

– Ну уж нет, – он поднялся сам и помог подняться ей. – Никаких продолжим. Ты сейчас ложишься спать и завтра весь день проводишь в постели. Я выгуляю Гретхен сам и присмотрю за Верой Никифоровной. А ты спи.

Рита не стала спорить. Она все еще чувствовала себя отвратительно. Страшное видение всплывало перед глазами, стоило только сомкнуть веки, кружилась голова и немного подташнивало. Забравшись под одеяло, она прижалась спиной к Марку и попыталась выбросить из головы то, что видела, но пугающая картинка никак не желала уходить. Она даже включила лампу на прикроватном столике, надеясь, что тусклый свет разгонит страх. Спать ей не хотелось. Значит, это точно не было сном.

Марк обнял ее одной рукой, крепко прижимая к себе. Рита чувствовала, как второй рукой он легонько гладит ее волосы, стараясь не мешать.

– Рит, – едва слышным шепотом позвал он. Наверное, чтобы не разбудить, если вдруг она уже уснула.

– Что?

– Давай все же попробуем выяснить, как именно тебе пользоваться даром без вреда для себя.

Она вздохнула. Четыре года назад бабушка предупредила ее, что каждый раз, помогая людям, она будет тратить себя. Дар целительства передавался в их семье каждому, но только у бабушки хватило силы воли не пользоваться им. Отец Риты умер, не дожив даже до тридцати пяти, и сама она отчаянно боялась им пользоваться, хоть иногда и не могла удержаться. Бабушка Веры Никифоровны знала секрет, как пополнить собственную жизненную энергию, и дожила до седин, но никому из детей этого секрета не открыла.

Несколько лет назад Марк предложил вызвать дух строптивой родственницы, чтобы выпытать у нее секрет, однако Рита идею не поддержала. К тому времени салон колдуньи Ксении, где Марк работал медиумом, давно закрылся, а сам он перестал общаться с мертвыми. Рита не хотела снова провоцировать его на это. Ей нравилась их жизнь без призраков, без таинственных расследований и магии. Она не хотела снова к этому возвращаться. К тому моменту она ушла в декретный отпуск, перестала каждый день видеть страдающих людей и уверила себя, что справится с навязчивым желанием помогать другим. Тем более Марк не был уверен, что у него получится выпытать секрет у призрака. Через столько лет после смерти они редко могут говорить связно, иногда и вовсе не понимают, чего именно от них хотят.

Однако сегодняшний день ясно дал понять Рите, что никогда ей не избавиться от сочувствия и желания помочь. Чужая болезнь и смерть всегда будут напоминать ей, что в ее силах избавить человека от страданий, но из-за малодушия и нежелания ворошить собственную устоявшуюся жизнь она не делает этого.

– Что для этого нужно? – со вздохом спросила она.

– Хотя бы имя той женщины.

– Я спрошу у бабушки.

Марк поцеловал ее в макушку и еще крепче прижал к себе. Рита закрыла глаза, чувствуя, что липкий ужас наконец начал отпускать ее.

Глава 4

На город уже давно спустилась темнота, но заметно это стало лишь теперь, когда он вышел из метро. В этой части города, где он жил уже несколько лет после развода, не было больших торговых центров, магазинов с яркими вывесками, шумных ночных клубов, зато росло вдоволь деревьев и стояли старые дома, а потому темнота всегда ощущалась острее, чем в освещенном круглые сутки центре. Единственным переливающимся огнями пятном в этом зимнем сумраке была стоящая посреди небольшой площади елка, хотя календарь показывал только середину декабря.

Юра никогда не понимал этого стремления украсить город к Новому году в самом начале декабря, а то и вовсе в ноябре. Ведь когда улицы и магазины пестрят огнями и шарами уже целый месяц, какое может быть новогоднее настроение к самому празднику? В его детстве отец приносил ель вечером после работы тридцатого декабря, и еще целую ночь она стояла на балконе, чтобы быть украшенной только тридцать первого. Они с сестрой до самой ночи стояли возле балконной двери, прижимаясь носами к стеклу, стараясь не дышать, чтобы оно не запотевало, смотрели на лесную красавицу, которая еще несколько часов назад росла в лесу, и представляли, как вкусно она пахнет смолой и морозом. Этому же правилу он следовал и став взрослым, чем неимоверно бесил Иру, свою бывшую. Впрочем, он бесил ее не только этим, потому они и развелись.

С неба крупными хлопьями падал снег, укрыв уже почти всю землю, и это поднимало настроение гораздо лучше давно украшенной, а потому уже изрядно потрепанной, ели у метро. Грязь, которую горожане месили ногами несколько месяцев, приелась и раздражала. Наверняка снег к утру тоже растает и превратится в эту самую грязь, однако сейчас казалось, что зима наконец вступила в свои права.

Немного полюбовавшись пушистыми хлопьями, которые медленно вальсировали в свете желтого фонаря, Юра направился к перекрестку, хотя обычно предпочитал доезжать домой от метро на маршрутке. Пешая дорога мало того, что была длиннее, так еще и пролегала через небольшую огражденную забором рощу, где днем молодые мамочки гуляли с колясками, а по вечерам многочисленные собачники выгуливали своих питомцев. Часто без намордников и ошейников. Юра собак не любил, даже боялся, потому предпочитал обходить это место стороной. Точнее, объезжать. Но сегодня пушистый белый снег так заманчиво падал на плечи, а в воздухе так сладко пахло морозом, что он не удержался, пошел через рощу. В конце концов, если в детстве его однажды покусала соседская собака, это же не значит, что теперь обязательно покусает снова. Да и ему уже не десять лет, справится как-нибудь.

К его удивлению, роща оказалась безлюдной. Часы показывали только начало десятого вечера, возле метро еще толпилась куча народу, бойко шла торговля, а здесь все словно вымерло. Едва только ступив за ворота, Юра словно провалился в мертвое царство тишины и покоя. Молчаливые деревья уже спали, укрытые пушистым снегом, только желтые фонари вдоль дорожки словно прокладывали туннель в темноте. Даже звуки от широкого проспекта сюда не долетали. Зато в этой тишине хорошо слышались его собственные шаги и хруст ломающегося тонкого льда, когда он нечаянно наступал на подмерзшие к вечеру лужи.

Юра неторопливо пошел по дорожке, не оглядываясь по сторонам и погрузившись в свои мысли. Подумать было о чем. Сын в следующем году пойдет в школу, а Ирка вдруг оказалось беременной от своего нового мужа, и сегодня, когда он зашел проведать Валерку, начала намекать, что вчетвером им будет тесно в двухкомнатной квартире. Валерка и так плохо ладил с отчимом, а когда появится младенец, ему совсем не останется места в новой семье. Юра быстро понял, что Ира имеет в виду переезд сына к нему. Он не знал, как к этому относиться. Сам Валерка был бы только рад, это сомнению не подлежало, но вот кто будет смотреть за ним,

пока отец на работе? В детском саду он находился до вечера, а если в школе не получится с продленкой? Няню он едва ли потянет, придется сильно ужаться в других расходах, а требовать алименты с Иры совесть не позволит. Пока Валерка жил с ней, Юра давал денег даже больше, чем присудил бы любой суд, однако требовать деньги с женщины он не станет ни за что в жизни. Бывшую жену он знал достаточно хорошо, чтобы понимать, что сама она тоже не предложит. А решать нужно было поскорее, потому что пора уже определяться, в какую школу отдавать ребенка.

Единственный вариант, который он видел сейчас, – это забрать из деревни мать. Места в его квартире хватит всем, она сможет присматривать за Валеркой, а ему не придется мотаться к ней каждые выходные, чтобы помочь по дому. Мама была еще достаточно молода, однако никогда не принадлежала к любителям домашнего хозяйства, поэтому из живности держала только кота, а из огорода – только петрушку на подоконнике, чем вызывала неудовольствие соседских сплетниц. Еще пока жив был отец, ей приходилось изображать из себя хозяйку и работницу, но после его смерти она быстро избавилась и от скота, и от огорода. Наверняка она не откажется переехать в город.

Поставив себе мысленную заметку поговорить с матерью о переезде, Юра наконец поднял голову, перестав разглядывать снег под ногами, и вдруг увидел, что больше не один на дорожке. Навстречу ему неторопливо шла молодая девушка. На одно мгновение сердце пропустило удар или два. Юра быстро огляделся в поисках волкодава, с которым, должно быть, она вышла погулять, однако роща по-прежнему спала зимним сном. Юра выдохнул, мысленно выругавшись на себя, и посмотрел на приближающуюся девушку уже спокойнее. В конце концов, ему скоро сорок, нельзя же до такой степени бояться собак. Какой пример он подаст сыну?

Девушка, идущая ему навстречу, была одета в длинное светло-зеленое пальто и стильную шляпку такого же цвета с небольшим пучком красных роз на полях. Немного необычная одежда для прохладного зимнего вечера, однако девушка не выглядела замерзающей. Она шла медленно, не ежилась и не торопилась поскорее в метро или домой.

Юра не мог оторвать от нее глаз, а она даже не смотрела на него, как будто не видела. И лишь когда они поравнялись, красавица подняла голову, и взгляды их пересеклись. Ровно одно мгновение он видел милое личико с тонкими аристократическими чертами, высокими скулами, пухлыми ярко-красными губами и нежно-зелеными колдовскими глазами, обрамленными темно-рыжими, почти красными, пушистыми ресницами. Юра замер, пораженный каким-то непонятным чувством, которое медленно разливалось в груди, мешая дышать, а девушка снова опустила голову, спрятав глаза под полями шляпки, и пошла дальше.

Юра еще несколько долгих секунд стоял на тропинке, глядя прямо перед собой, а затем обернулся. Дорожка была пуста. То ли он простоял в оцепенении гораздо дольше, чем думал, и девушка ускорила шаг и уже дошла до конца рощи, то ли она свернула на одну из боковых тропинок. Юра потер лицо руками, мысленно усмехнувшись собственной глупости. Надо же, замер, как юнец. Да и не смог бы он в такой темноте рассмотреть цвет глаз и ресниц идущей навстречу девушки. Они и взглядами-то встретились всего на мгновение. Хорошо, что впереди было два выходных. Похоже, ему стоило выспаться.

Он снова повернулся вперед, и навстречу ему опять шла девушка. Острое чувство дежавю на мгновение затуманило мысли, однако почти сразу отпустило. Эта девушка была одета в обычный черный пуховик до колен, серую шапку и практически бежала. Почти сразу Юра увидел и причину такой торопливости: сзади за ней, чуть пошатываясь, шли два молодых человека не самого благополучного вида и громко хохотали.

Интересно, что сподвигло дурочку пойти через рощу одной, зимним вечером, когда уже темно? Неужели ни разу не слышала историй об убийствах и изнасилованиях в подобных местах? Юра вздохнул, понимая, что пройти мимо не сможет. Во-первых, он мужчина, во-вторых, в силу профессии привык помогать людям. Если только само его появление не заставит

парней отстать от намеченной жертвы. Едва ли, конечно, они собираются сделать ей что-то плохое, но напугать могут. Возможно, придется проводить дурочку до метро.

Надежда не оправдалась: когда расстояние между ними сократилось всего до нескольких шагов, один из парней схватил девушку за плечо и резко развернул к себе. Та вскрикнула, дернулась в сторону и не удержала равновесие, упала на снег, чем вызвала новый взрыв хохота.

– Эй вы! – громко крикнул Юра, ускоряя шаг. – Отстаньте от нее.

Парни замерли на мгновение, а затем тот, который пытался схватить девушку, насмешливо посоветовал:

– Мужик, иди куда шел.

Теперь Юра видел, что парни совсем молодые, еще подростки, и это придало ему немного уверенности, хотя до этого что-то неприятно сжималось внутри. В драках он никогда не был хорош, хоть в молодости и приходилось пару раз вступать в них, отстаивая свои принципы и территорию. Кто вырос в девяностые – не мог не драться.

– Парни, серьезно, отстаньте от девушки, – уже спокойно, почти вежливо сказал он, понимая, что имеет дело с детьми. – Напугали ее совсем.

Он наклонился и протянул неудачнице руку, чтобы помочь подняться, а потому не увидел, как один из подростков подбежал к нему и замахнулся ногой.

Резкая боль в солнечном сплетении подбросила его вверх, а затем заставила плашмя упасть на землю. Еще один удар тяжелым ботинком пришелся в лицо. Что-то неприятно хрустнуло у самого уха, а во рту появился металлический привкус крови.

Юра слышал, как закричала девушка, и попытался подняться, но еще один удар в живот отбросил его на полметра в сторону, прямо лицом в холодный снег. Пока нападавший добежал до него, Юра успел приподняться на локтях и увидеть, как снег под ним окрасился в алый цвет. Удары посыпались один за другим, и он уже не пытался подняться, только прикрывал голову руками. В ушах шумело так сильно, что он не слышал ничего вокруг, а вскоре перестал ощущать и боль от ударов. Видел перед собой только белый пушистый снег, который продолжал кружиться в желтом свете молчаливых фонарей.

Глава 5

Марк совершенно не помнил, о чем думал, когда заводил роман с женой родного брата. Впрочем, едва ли он вообще думал в тот момент. Ему было девятнадцать, он был молодым талантливым художником, у которого на горизонте маячила первая персональная выставка, которого неизменно хвалили критики, прочили большое будущее в искусстве, чьи картины охотно покупали, и ему казалось, что весь мир лежит у его ног. То, что он имеет право на самую красивую в мире женщину, не вызывало у него сомнений. Даже несмотря на то, что эта женщина замужем.

Точно так же он плохо помнил, о чем думал, когда очнулся в больнице после аварии и узнал, что мир больше не лежит у его ног, поскольку ноги эти переломаны во многих местах, и он едва ли когда-нибудь еще сможет стоять на них. Ему было больно, плохо и не хотелось жить. И тот факт, что лучшая в мире женщина ушла от него, выбрав мужа, в глубине души казался ему хоть и крайне обидным, но вполне закономерным. Кому нужен беспомощный инвалид, который даже в туалет сходить не может без посторонней помощи?

Он не помнил точно, о чем думал, когда все последующие восемь лет методично портил жизнь и этой женщине, и ее мужу, и остальной семье. Когда он, сначала шизофреник, а затем медиум – и еще неизвестно, к кому общество относится лояльнее – в обнимку с бутылкой виски сам оказался у подножия мира. Ему просто хотелось сделать больно всем вокруг, как было ему.

Еще четыре года, когда брат с женой уехали жить в Германию и не приезжали в гости, он вообще о них не думал. В его жизни снова появились любимая женщина, обожаемое искусство, вдохновение, а затем и самая необычная в мире дочь. Какое ему было дело до брата и его жены?

Зато он прекрасно знал, о чем думает сейчас, когда очередная встреча с этой женщиной и ее мужем стоит на повестке дня.

– Зря ты все это затеяла, – проворчал он, когда Рита уже въехала на территорию частного сектора, где жили его родители.

За прошедшую неделю ему так и не удалось придумать причину, по которой он не сможет прийти на ужин в сочельник к родителям. Его семья, свято чтившая свои немецкие корни, конечно же, считала себя католиками. Рождество они всегда праздновали двадцать пятого декабря. Правда, обычно это был просто торжественный ужин накануне, и лишь несколько лет назад, когда появилась причина обмениваться подарками именно на Рождество вместо Нового года, они радостно за нее ухватились. К его огромному сожалению, Франц и Белль тоже согласились приехать. От предстоящей встречи с ними в животе ворочалась огромная мерзкая жаба, начисто портившая все праздничное настроение. Марк даже пожалел, что больше не держит дома виски. С ним пережить этот дурацкий ужин было бы гораздо проще.

– Почему это? – поинтересовалась Рита, преувеличенно внимательно следя за дорогой.

– Потому что из этого ничего не выйдет.

– Так думаешь только ты.

– И скоро вы все убедитесь, что я был прав.

– Какая самоуверенность, – не могла не поддеть она.

Марк не сдержал ухмылку.

– Ты это уже говорила.

– С тех пор ничего не изменилось.

Рита тоже улыбнулась и сбросила скорость до нуля, дожидаясь, когда створки автоматических ворот разъедутся в стороны. В припорошенном снегом дворе было пусто, только сверкала огнями украшенная высокая ель. Его родители всегда украшали две елки: в доме и во дворе. Все окна и первого, и второго этажа особняка из красного кирпича светились огнями. В окне кухни мелькали тени: мать с бабушкой Риты и помощницей по хозяйству Галиной зани-

мались приготовлением ужина с самого утра. Это тоже было традицией: Елизавета Дмитриевна Вебер, никогда не питавшая страсти к домашнему хозяйству и не появлявшаяся на кухне в обычные дни, в приготовлении всех праздничных ужинов всегда принимала активное участие. Марк едва ли мог по достоинству оценить ее кулинарные способности, но Галина, работавшая на их семью уже много лет, утверждала, что из нее получилась бы прекрасная хозяйка. А с тех пор, как Рита вместе со своей бабушкой вошли в их семью, эта троица готовила лучшие ужины в мире.

Рита припарковала машину возле гаража, и Марк понял, что неизбежный момент все же настал. Он сам не знал, почему так нервничает. Ведь встречался же он как-то с братом восемь лет после того, как тот узнал о романе своей жены с ним. Язвил, хамил, но исправно встречался на традиционных пятничных ужинах у родителей, не испытывая особенной неловкости. Что же изменилось теперь?

В глубине души Марк знал ответ на этот вопрос, но озвучивать его сейчас не стал даже самому себе. И без того было тошно.

Заглушив машину и отстегнув ремень безопасности, Рита посмотрела на него, а затем наклонилась и быстро поцеловала в теплую и немного колючую щеку.

– Все будет нормально, – пообещала она.

– Но если что, я предупреждал, – проворчал Марк, не делая попытки выйти из машины.

– Ты уже большой мальчик, Марк. Такие отговорки не прокатят. Так что веди себя хорошо. Это давно надо было сделать.

– Кому надо было? – он искоса посмотрел на нее.

Рита ничуть не смутилась.

– Всем нам. Или ты думаешь, мне приятно, что Ирина до сих пор стоит между нами? – полушутливо усмехнулась Рита, но Марк понимал, что она не шутит.

– Она никогда между нами не стояла, – возразил он.

– Это не так, и мы оба это знаем.

На этот раз он промолчал. Потому что на самом деле знал. В начале их знакомства он был слишком откровенен с ней, и Рита не забыла его красочных рассказов. Похоже, вечер обещает быть долгим.

Он выбрался из машины и первым открыл заднюю дверь, чтобы взять Гретхен. Нога почти не болела, и он чувствовал в себе силы донести ее до дома, не опираясь на трость.

Гретхен, оправдывая свое официальное имя, спала. Уснула практически сразу после того, как они посадили ее в автокресло и выехали из дома. Марк аккуратно отстегнул ремни детского кресла и вытащил ее из машины. Почему-то с ней на руках ему стало спокойнее.

Рита с небольшой тревогой следила за ними, однако не возражала. Марк еще помнил, как она готова была каждый раз подставлять руки, когда он брал Гретхен, словно боялась, что он уронит ее. Он немного раздражался из-за этого, ведь немощными у него были вовсе не руки, однако понимал, что она имеет на это право. Она твердила ему о реабилитации полтора года, но он так и не удосужился заняться ногой. И только это тщательно скрываемое недоверие к нему наконец заставило его пойти в клинику. Он не хотел, чтобы она каждый раз переживала, оставляя Гретхен с ним. Правда, денег на реабилитацию уходило много, а эффекта от нее было мало, и все чаще он думал о том, что она не стоит его усилий.

Рита забрала из машины его трость, пакет с подарками под елку, которые они не успели отвезти к Веберам заранее, щелкнула брелоком, и они втроем отправились к дому. Сколько ночей подряд, когда Рита уже спала, Марк представлял себе эту встречу. Думал, что скажут ему, что скажет он. Вариантов находились тысячи: от громадного скандала с самого порога до дружеских посиделок, словно он не спал когда-то с этой женщиной, словно его брат не был при этом на ней женат. Словно они не растят его сына.

Однако как только Рита открыла дверь, и он вместе с Гретхен шагнул внутрь, все это перестало иметь значение.

Он сразу почувствовал запах: чуть сладковатый, с примесью горечи и чего-то настолько тошнотворного, что желудок мгновенно скрутился в узел. Марк дернулся назад и так крепко прижал к себе Гретхен, что она проснулась. Уже очень давно он не чувствовал подобного запаха.

Двенадцать лет назад, очнувшись в больнице после аварии, он почувствовал его впервые, но тогда не придал значения. Он не мог ходить, не мог сам себя обслуживать, был вынужден во всем зависеть от других, и какой-то там запах его совершенно не волновал. Когда его наконец выписали, исчез и запах. А потом начали приходить они. Призраки. Он видел их, слышал, разговаривал с ними. Вместе с ними иногда приходил и этот запах. Тогда Марк считал это шизофренией после тяжелой черепно-мозговой травмы, лечился прописанными психиатром таблетками и исправно ложился в больницу. Мозг, задавленный лекарствами, переставал правильно осознавать реальность и видеть призраков, но их запах Марк все равно иногда чувствовал. Словно они все время были где-то рядом, просто он их не видел.

Осознав, что это никакая не шизофрения, Марк начал присматриваться, принюхиваться, анализировать и понял две вещи: во-первых, это запах разложения, во-вторых, так пахнут только «свежие» призраки, умершие не дольше сорока дней назад.

Четыре года назад, когда распался магический салон, в котором он работал, когда он перестал зарабатывать на жизнь общением с духами, когда прекратил звать их, они постепенно ушли, забрав с собой и запах. Иногда он видел их в толпе, на улице, в метро, пару раз даже в своей квартире, но они больше так не пахли. Наверное, в последний раз Марк чувствовал этот ни с чем не сравнимый аромат еще до рождения Гретхен, когда однажды пришел в больницу, где работала Рита. Уж там-то от свежих призраков было не спрятаться.

И вот теперь этот запах в доме его родителей.

– Марк, мы уже приехали, обратно не уедем, – раздался совсем рядом с его ухом шепот Риты.

Марк вздрогнул и рассеянно посмотрел на нее, уже успев забыть о том, что она тоже здесь.

– Раздевайся.

Рита затянула его в прихожую и захлопнула дверь. Наверное, поняла его заминку по-своему. Марку всегда нравилось быть особенным, в каком-то роде он даже гордился своим умением общаться с мертвыми, несмотря на то, сколько хлопот ему это принесло, но сейчас впервые позавидовал Рите, которая спокойно разматывала шарф, ощущая только ароматы запеченного мяса, специй и жженых бенгальских огней.

В доме было шумно. Из кухни доносились голоса его матери, Галины и Веры Никифоровны. Из гостиной – смех сестры Ани и голос отца. Наверное, Франц и Белль тоже там. Марк почти как наяву увидел невестку, сидящую на диване из белой кожи с видом скучающей королевы.

Эти мысли заставили его сильнее прижать Гретхен к себе, словно он хотел спрятаться за ней, дожидаясь, пока Рита разденется и сможет забрать у него ребенка. Гретхен немного удивленно посмотрела на него и коснулась теплой ладошкой его лица, как будто чувствовала его напряжение и хотела успокоить.

– А вот и младшенькие пожаловали, – раздался веселый голос матери, как раз появившейся в прихожей. – Я уж думала, он найдет причину не приехать, – подмигнула она Рите.

Та улыбнулась, а Марк постарался скрыть раздраженный вздох.

– Я искал, – честно признался он, отдавая Гретхен бабушке, – но не нашел.

Они втроем рассмеялись, хотя Марк поймал на себе немного тревожный взгляд Риты, как будто она пыталась понять, говорит ли он правду или стоит ждать подвоха. Наверное, она

имела на это право, если вспомнить тот единственный ужин вместе со всей его семьей, включая Франца и Белль, на котором она присутствовала. И Марк неожиданно пообещал себе, что в этот раз все будет по-другому, даже если ему придется проглотить язык.

В большой светлой гостиной действительно было многолюдно. Аня привела на рождественский ужин своего парня, с которым жила уже около полугода. Марк почему-то никак не мог запомнить его имя. Там же находился и его отец, в честь семейного праздника сменивший деловой костюм на удобные джинсы и стильный пуловер. Они о чем-то весело болтали с Францем и Белль, которая, конечно же, разрядилась как принцесса на балу, и сразу же замолкли, едва вошли они. Марк видел, как мгновенно напряглись его брат с женой, как испуганно посмотрела на него Аня.

Несколько долгих секунд в гостиной висела напряженная тишина. Марк понимал, что прервать ее следует именно ему, однако никак не мог заставить себя произнести хоть слово. Зря мать забрала у него Гретхен. И даже трость осталась в прихожей, занять руки оказалось совершенно нечем.

– Привет, – наконец произнес он. – Как долетели?

Эти слова разорвали прочные нити тревоги и напряжения, опутавшие всю гостиную невидимой паутиной. Марку даже показалось, что запах разложения чуть притупился.

– Прекрасно.

Франц поднялся с дивана и протянул ему руку для приветствия. Марк слышал, как рядом едва заметно выдохнула Рита. Процедура взаимного приветствия продолжилась, и все снова начали улыбаться. Одна только Белль сделала вид, что не заметила его, хотя с Ритой дежурными поцелуями в щеку они обменялись. Марк был рад и этому. В конце концов, Рита не сделала им ничего плохого. Наверное, она заслужила этот вечер. Правильная добрая Маргарита, у которой всю жизнь была только бабушка и которая мечтала о большой семье. Семье, где все собираются на Рождество, дарят друг другу подарки, шутят, не ругаются и не ненавидят друг друга.

– У нас есть маленькие подарки, – объявила она, вытаскивая два оранжевых шара, которые они привезли из Вены.

Один такой остался у них дома, второй уже красовался на елке в гостиной, хоть и совершенно не сочетался с ее сине-серебристым стилем. Однако у матери имелся один большой пунктик, который раздражал Марка, но так ценился всеми остальными: она всегда давала понять, что ценит подарки. Она надевала подаренные Францем и Белль сережки на каждый семейный праздник, носила отвратительно безвкусную заколку, которую Аня сделала в пятом классе, пока та не сломалась, даже красное вино всегда подавалось в бокалах, которые подарила ей на юбилей Галина. С недавних пор гостиную украшала и картина, написанная Марком. Вот и сейчас оранжевый Ритин шар висел на самом видном и почетном месте елки.

– Какая прелесть, – улыбнулась Аня, принимая из ее рук игрушку и вполне искренне изображая восхищение. Или же она ничего не изображала?

– Мы купили в Вене на ярмарке четыре таких, решили, что подарим каждому по одному, – пояснила Рита.

Она протянула последний шар Белль, и та на мгновение замялась. В это мгновение Марк вдруг решил, что заставит ее взять эту игрушку силой, если потребуется. Как будто услышав его мысли, Белль бросила на него быстрый взгляд, а затем взяла шар.

– Спасибо, – улыбнулась она Рите.

– Вот и прекрасно, – заявила Елизавета Дмитриевна, наблюдавшая за невесткой не менее внимательно, чем младший сын. И Марк мог бы поклясться, что думала она при этом так же, как и он. – Теперь у всей нашей семьи есть маленькая реликвия. А мы, наверное, пойдем познакомимся с нашей двоюродной сестричкой? – она посмотрела на сидящую у нее на руках Гретхен.

Марк уже знал, что у Франца и Белль три года назад родилась еще и дочь. Она была всего на пару месяцев старше Гретхен, и девочки вполне могли подружиться.

– Сабина не говорит по-русски, – тут же заявила Белль, напрягшись, словно Гретхен могла причинить ее дочери вред.

Марк испытал глухое раздражение.

– А Гретхен не говорит вообще, – язвительно заметил он, – так что, думаю, они найдут общий язык.

– Гретхен? – переспросила Белль, и в гостиной отчего-то повисла гробовая тишина.

Марк удивленно приподнял бровь.

– Что тебя удивляет?

– Насколько я помню, ты когда-то клялся, что не назовешь ребенка немецким именем.

– Насколько я помню, ты когда-то клялась…

– Ее зовут София, – поспешно перебила его Рита. – Но Марк упорно зовет ее Гретхен. – Рита посмотрела на него, взглядом обещая ему серьезный разговор, если он не начнет вести себя прилично.

Марк вздохнул и на секунду прикрыл глаза. Ведь он обещал себе. Однако раздражение от присутствия женщины, которая когда-то предала его, и мерзкий запах разложения не позволяли держать себя в руках.

– Потому что Гретхен – это сокращение от Маргариты, – старательно контролируя голос, произнес он. – Напоминаю тем, кто живет в Германии и этого не знает: Маргарет сокращается до Греты, «хен» – уменьшительно-ласкательный суффикс. Мне хотелось, чтобы у меня дома было две Маргариты – большая и маленькая.

– Значит, давать людям клички ты тоже не перестал, – съехидничала Белль.

– Мне кажется, нам пора за стол, – неожиданно вмешалась Аня, хотя раньше, когда все их ужины заканчивались подобными разговорами, она всегда молчала и делала вид, что ее это не касается. – Галина уже, должно быть, все подготовила. Не будем заставлять ее ждать. Да и Веру Никифоровну бросили на кухне.

Все дружно поднялись со своих мест, чтобы перейти в соседнюю комнату. Марк тоже обернулся, собираясь взять Риту за руку, но вдруг замер, почувствовав, как что-то прошелестело рядом, коснувшись его уха, и запах разложения усилился, неожиданно вызвав приступ тошноты. Это было странно, поскольку никогда раньше запах мертвецов так на него не действовал. Возможно, за несколько лет обычной жизни, без призраков, он совсем растерял навык.

Он нервно оглянулся, но так ничего и не увидел. Большая светлая гостиная была пуста и безмолвна, здесь находились только живые. Воздушные шторы на окне не шевелились, огонь в камине трещал спокойно, не дергаясь и не высыпая в воздух лишние искры. Только когда его взгляд скользнул по празднично украшенной елке, сердце сорвалось куда-то в живот и забилось сильнее: оранжевый шар Риты вращался против часовой стрелки, и в нем отражалось чужое лицо.

Сбросив с себя оцепенение, Марк резко шагнул к ели. Франц и Рита, которые еще не успели выйти из гостиной, остановились, удивленно глядя на него. Он наклонился к шару, разглядывая его. Тот вращался довольно быстро, и незнакомое лицо то появлялось, то исчезало, словно не отражалось в нем, а было нарисовано. Марк схватил шар и поднес его к глазам, медленно поворачивая вокруг своей оси, но теперь в нем отражался только он сам.

– Марк! – позвала его Рита. – В чем дело?

Он еще несколько секунд разглядывал свое отражение на оранжевой поверхности, а затем тряхнул головой, выпустил шар из рук и выпрямился.

– Нет… нет, ничего.

Он снова посмотрел на шар, но тот больше не вращался, лишь медленно покачивался из стороны в сторону, и в нем теперь отражалась только гостиная. Марк прошел мимо замер-

ших на пороге жены и брата, хромая так, как не хромал уже очень давно. Нога, потревоженная воспоминаниями о призраках и прошлой жизни, непривычно разболелась. Трость стояла в прихожей, прислоненная к стене. Она удобно легла в руку, и Марк вдруг понял, что уже давно не ощущал с ней такого единства. Раньше он не мог пройти и двух метров без нее, сейчас же частенько забывал где-нибудь в квартире. Она больше не была для него такой острой необходимостью и вот вдруг так правильно и привычно легла в руку, словно только там ей было место.

– Вы ужинать-то идете? – поинтересовался Марк, обернувшись к гостиной.

* * *

Как всегда у Веберов, стол был накрыт по высшему разряду. Нет, здесь не лежала килограммами черная икра (хотя красная, конечно же, была, поскольку Елизавета Дмитриевна считала ее крайне полезной для маленькой бледной Гретхен), не лилось рекой дорогое шампанское. Но Галина, неизменная домработница и искусная повариха, умела готовить вкусно и красиво. Только ей удавалось приготовить ненавистную Соне брокколи так, что девочка съедала все и просила добавки.

Не обладая возможностью говорить, она при этом умудрялась очень понятно показывать, что ей нужно, а иногда просто смотрела на предмет таким внимательным взглядом, каким не каждый биолог-экспериментатор следит за делением клетки, и все понимали, что он ее заинтересовал. Ни отец, ни бабушка, ни прабабушка, ни даже дед не могли ей отказать. Поэтому вся их квартира была завалена игрушками, а Рита периодически лечила ей аллергию.

Блюда на столе были не только вкусные, но и мастерски украшенные на рождественскую тематику. Большие красные салфетки со снеговиками, стаканы со «снежным» напылением, блюда с зимними рисунками – все это было интересно разглядывать даже взрослым, не говоря уже о детях, которые опустошали тарелки на скорость, чтобы быстрее снова добраться до рисунков.

Разговор за столом тек плавно и так дружелюбно, словно все здесь любили друг друга и виделись каждые выходные. В отличие от Марка, родители и сестра, конечно же, продолжали общаться с Францем, некоторые новости доходили и до Риты. Только Ирина – Рита поклялась себе даже в мыслях называть Белль именно так – и Марк участия в разговоре не принимали. Ирина делала вид, что занята исключительно дочерью, хотя по лицу Сабины было заметно, что ей надоело внимание матери и общение с Соней доставляет гораздо большее удовольствие. Как и предсказывал Марк, девочки нашли общий язык. Сабина что-то болтала по-немецки, Соня лишь важно кивала и иногда что-то показывала.

– Положим их вместе спать, – воодушевленно заявила Елизавета Дмитриевна, видя такую внезапную дружбу двух внучек. – У нашей Гретхен есть отдельная комната, и кровать там достаточно широка для двоих.

Ирина если и была недовольна таким решением, то промолчала.

Марк же мыслями был вообще не здесь. Рита несколько раз бросала на него настороженные взгляды, однако ничего не спрашивала. Возможно, его молчание – лучшее, что он мог предложить для сегодняшнего вечера. Она была рада и ему. После сцены в гостиной Рита подумала, что, возможно, на самом деле зря все это затеяла.

И все же ужин проходил в теплой дружеской атмосфере, именно такой, о которой она мечтала, только задумывая его. Ей всегда хотелось большую семью. Шумную, дружную. Которая собиралась бы по выходным и праздникам, обсуждала последние новости, делилась событиями из жизни, иногда о чем-то спорила, быстро мирилась, вместе радовалась достижениям друг друга и поддерживала каждого в случае необходимости. С семи лет она росла с одной только бабушкой и часто думала, что, если бы родители были живы, у нее наверняка родился

бы брат или сестра. Она почти не ездила к родителям мамы, те жили далеко и с каждым годом становились ей все более чужими. С ними она не чувствовала родства.

Такая семья появилась у нее, когда они поженились с Марком. К ее удивлению, ее хорошо приняли, хотя она категорически не вписывалась в нее по социальному статусу. Отец Марка был уважаемым адвокатом, мать – известным искусствоведом, сестра – балериной. Они жили в большом доме, держали домработницу и гордились своим происхождением от какой-то там фрейлины императрицы. Однако даже бабушка быстро подружилась с матерью Марка. Вера Никифоровна, большая поклонница искусства, легко находила общие темы с Елизаветой Дмитриевной, вместе они посещали выставки и концерты. Их разговоров иногда не понимал даже Марк, что уж говорить о Рите.

Соня стала любимой внучкой, потому что Анна, всю жизнь изводившая себя диетами и голодовками, то ли не могла, то ли не хотела заводить детей, чтобы не испортить фигуру. Дети Франца и Ирины росли в другой стране и никогда не приезжали. Наверное, они были для Веберов такими же внуками, как она для родителей своей мамы. Родными, но абсолютно далекими. За них не волновались, когда у них что-то случалось, не носили на руках ночь напролет, когда они болели, не радовались, когда получали хорошие оценки. Глядя на то, как Елизавета Дмитриевна и Гедеон Александрович воркуют с маленькой Гретхен, Рита часто вспоминала выражение «не плюй в колодец». Интересно, если бы они знали, что именно Марк – гадкий утенок, бунтарь, не желающий подчиняться семейным традициям, рьяно отстаивающий свои права на искусство в семье, где мужчины должны делать карьеру в юриспруденции, поменявший фамилию в восемнадцать лет из чистого упрямства – даст им то, чего они хотят, изменили бы они что-то в своем отношении к нему раньше?

И все же теперь у нее была большая семья, о которой она мечтала, любимый муж и ребенок. Не хватало только маленькой детальки, чтобы счастье стало полным. Поэтому она и задумала этот ужин.

Сначала обсуждение крутилось исключительно вокруг неожиданно завязавшейся дружбы Сони и Сабины, а затем плавно перешло на старшего сына Франца и Ирины – Алекса. О его успехах в школе, увлечениях, друзьях. Алекс смущался, отвечал что-то невнятное. Когда они уехали, ему было всего семь, и за четыре года он успел отвыкнуть от внимания большой семьи. И хоть старшие Веберы периодически ездили к ним в Германию, ни Анну с ее парнем, ни Марка с Ритой он не знал или почти не помнил.

Рита старалась часто не смотреть в его сторону, но взгляд сам искал в нем схожесть с отцом. Франц и Марк были очень похожи: оба высокие, светловолосые, с похожими чертами лица. Отличались лишь цветом глаз: у Марка были карие, материнские, у Франца – отцовские голубые. И Алекс тоже пошел в деда. Поэтому любой человек со стороны сказал бы, что Алекс похож на Франца, но Рите казалось, что она прекрасно видит в нем черты Марка. Только сейчас она поняла слова, которые когда-то давно сказал ей Марк: никто из них не хочет, чтобы отцом Алекса был он. И только сейчас поняла причину.

Рита тряхнула головой, прогоняя из нее посторонние мысли, и попыталась включиться в разговор за столом.

– …А завтра с утра все будем разворачивать подарки, – как раз объявила Елизавета Дмитриевна девочкам.

– Кстати, я что-то не припомню у нас традиции дарить подарки на Рождество, – заметил Франц, и по его улыбке Рита поняла, что до этого они обсуждали что-то веселое.

– Так ведь наша Гретхен родилась первого января, – Елизавета Дмитриевна с любовью посмотрела на младшую внучку. – Вот мы и решили, что этот день должен быть ее днем рождения – и только. Раз уж мы все равно празднуем Рождество, будем и новогодние подарки дарить на него.

– У Марка все не как у людей, – хмыкнула Ирина, заставив всех посмотреть на нее, но Елизавета Дмитриевна тут же продолжила что-то рассказывать, переключив внимание на себя.

Только Рита продолжала сверлить взглядом Ирину. Она думала, что основная проблема придет со стороны Марка. Оказалось, ошибалась.

Однако никто, кроме нее, не придавал этому такое значение. Веселый разговор за столом продолжался. Маленькая Гретхен действительно родилась первого января. Более того, в самую новогоднюю ночь, через пять минут после полуночи. Всему медицинскому персоналу пришлось встретить бой курантов за работой, и все время пребывания Риты в роддоме они шутили, что только коллега может так испортить Новый год всей дежурной бригаде.

Рита перевела взгляд на дочь, чтобы в очередной взгляд полюбоваться пшеничными кудряшками, схваченными по случаю праздника большой серебристой заколкой в цвет пышного платья принцессы, и нахмурилась. Сабина все еще что-то рассказывала, но Соня больше не слушала ее. Она замерла с вилкой, не донесенной до рта, и заинтересованно смотрела в совершенно пустой проход из столовой на кухню. Даже Галина уже закончила хлопотать вокруг стола и присела за его краешек, поэтому на кухне никого не могло быть.

Рита повернулась к Марку, чтобы обратить на это его внимание, но он смотрел в тот же пустой проем.

– Марк? – тихо позвала Рита. Он не отозвался. Она протянула к нему руку и легонько сжала ладонь. – Марк? Что происходит?

Он зачем-то кивнул, выдавая, что не услышал ее вопрос, просто среагировал на имя, но голову к ней не повернул, прислушиваясь к чему-то на кухне, и только крепко сжал ее ладонь.

– Все нормально, – невпопад ответил он. – Нога немного болит.

Рита хотела спросить, что такого он видит, но он вдруг выпустил ее ладонь и вскочил с места так резко, что опрокинул стул, на котором сидел. Испугавшись грохота, Сабина заплакала, и Ирина, мгновенно потеряв интерес к происходящему, принялась ее успокаивать. Марк же сделал несколько шагов назад, упершись спиной в стену и все еще глядя в сторону кухни. Рита перевела взгляд на дочь, теперь отчетливо понимая, что смотрят они на одно и то же.

– Что вы видите? – испуганно спросила она, но вместо ответа Марк вдруг сорвался с места и, чуть прихрамывая, бросился к выходу.

Соня лишь проводила его удивленным взглядом и снова повернулась к Сабине, тронув ту за руку и предлагая продолжить прерванный разговор. Рита, извинившись, поднялась из-за стола и последовала за Марком. Его отец пошел за ней.

Марк стоял на крыльце, облокотившись о перила и низко склонив голову над руками, и тяжело дышал.

– Марк, что случилось? – испуганно спросила Рита, положив ладонь ему на плечо, но он лишь помотал головой, не желая отвечать.

– Нужна помощь? Может быть, принести куртку? – более обстоятельно поинтересовался его отец, хотя и в его голосе слышалась неподдельная тревога.

– Лучше стакан виски, – хмыкнул Марк.

– Пожалуйста, Гедеон Александрович, оставьте нас на минуту, – попросила Рита, – мы скоро вернемся.

Тот лишь коротко кивнул и скрылся за дверью, а Рита наклонилась ниже, пытаясь заглянуть Марку в лицо. Он стоял в одной лишь рубашке и джинсах, но, казалось, не чувствовал холода. Даже волосы на затылке были чуть влажными. Рита в легком вечернем платье с открытыми плечами и тонких матерчатых туфельках, в отличие от него, уже мелко тряслась от холода, кожа на руках покрылась мурашками, но уходить, не выяснив, что случилось, не собиралась.

– Марк, да скажи же наконец, в чем дело, – попросила она.

Он повернул голову в ее сторону, посмотрел на посиневшие губы.

– Иди в дом, Рита, – велел он, но она упрямо замотала головой.

– Ты что-то увидел, да?

Он кивнул.

– Всего лишь призрак, ничего такого.

– Ничего такого? – Рита обхватила себя руками за плечи, пытаясь унять дрожь, но ледяные ладони лишь усиливали ее. – Ты сам был похож на призрак.

– Просто давно не видел, – он попытался улыбнуться. – Испугался как девчонка, только никому не говори.

Рита не ответила на улыбку, глядя на него исключительно серьезно. Марк вздохнул и выпрямился, обняв ее за плечи, чтобы немного согреть.

– Он был свежим, поэтому отвратительно вонял, – признался он.

– Кажется, Соня тоже его видела.

– Что? – он даже чуть отстранил ее от себя, чтобы лучше видеть лицо.

– Соня тоже его видела, – повторила Рита. – Вы смотрели в одну точку, только она, кажется, совсем не испугалась.

Марк отрицательно покачал головой.

– Соня не могла его видеть. Она не видит призраков.

– Может быть, мы ошибались, так думая? И она тоже медиум?

– Нет, – Марк снова упрямо качнул головой. – У нее наверняка есть твой дар, потому что вы передаете его всем в семье, но я свой получил не при рождении, а после клинической смерти. Я не могу его передать по наследству.

– С чего ты это взял?

– Ксения говорила.

– Ксения могла ошибаться.

Марк замолчал, снова прижав ее к себе и о чем-то думая.

– Пойдем в дом, – через несколько секунд сказал он. – Ты совсем замерзла.

Глава 6

На большом чердаке родительского дома все давно поросло паутиной, в которую Марк не преминул вляпаться. Обстановка чердака почти не изменилась с тех пор, как он последний раз был здесь. Лет пятнадцать назад, а то и все двадцать. Разве что стало чуть больше коробок со старыми вещами. Ближе ко входу пыли и паутины было немного меньше: весной приходили рабочие чинить протекающую крышу, а дальше все покрылось забвением.

Кроме паутины и числа коробок, изменилось еще и то, что теперь Марку было намного труднее сюда забираться. Откидная лестница не была приспособлена для лазания по ней таких калек, как он.

Закрыв за собой дверцу в полу, Марк поднял выше мощный фонарь и огляделся. Паутина свисала с потолка, обвивала коробки и путалась в волосах, пахло пылью и немного сыростью. Когда-то он проводил здесь много времени и мечтал однажды превратить этот чердак в настоящую мастерскую художника. По крайней мере, именно так она виделась ему в тринадцать лет. Чуть дальше, возле окна, стояли два старых кресла, небольшой стол и в углу даже сохранился его мольберт. Марк подошел к нему ближе, с удивлением замечая на полу коробку акварельных красок. Конечно, они давно высохли, но все равно вызвали улыбку. В детстве и юности он любил рисовать акварелью. На масло не хватало терпения и времени. Хотелось все, сразу и побыстрее, где уж тут ждать пока высохнет предыдущий слой, чтобы нанести новый.

Он поставил фонарь на столик и сел в одно из кресел, подняв вверх столб пыли. Под потолком висела и лампа, но зажигать ее он не стал. В доме все давно спали, поэтому он мог бы остаться в столовой или гостиной, но не хотел, чтобы ему кто-то помешал. А дело у него было важное.

Лицо, которое он увидел в елочной игрушке, не заставило себя ждать, явилось прямо во время ужина, чем так сильно напугало его. Марк давно привык к призракам, хоть в последнее время они являлись все реже и реже, словно обиделись на то, что он перестал звать их. И все же он считал, что давно не боится их, но сегодня за ужином испугался примерно так же, как тогда, когда увидел их впервые.

Он почти не слышал того, о чем болтали за столом. Замечал внимательные взгляды Риты, но никак не мог заставить себя включиться в разговор. Слух сам вылавливал малейшие шорохи, которые не укладывались в общую картину и казались лишними, а обоняние не чувствовало почти ничего, кроме отвратительного запаха разложения.

Осторожные тихие шаги он услышал еще до того, как увидел призрак. Шаги походили на шорох листвы за окном во время сильного ветра, но он без труда распознал их в общей какофонии звуков, потому что раньше часто слышал, особенно по ночам, когда весь мир затихал, погруженный в сон. Запах разложения усилился и забил собой все остальное. Марк чувствовал, как Рита коснулась его руки и задала какой-то вопрос, но смог только процедить что-то нейтральное в ответ. А потом увидел его.

Сначала только лицо, точно такое же, как в отражении оранжевого шара: чуть одутловатое, как будто отечное, с большими глазами и падающей на лицо темной челкой. Оно принадлежало молодому мужчине, но почему-то очень маленького роста, не больше метра. И лишь в следующее мгновение, когда очертания призрака проступили полностью, Марк понял, что он имел нормальный рост, просто… нес свою голову в руках.

Марк вскочил на ноги, не справившись с собой, перевернул стул и, кажется, напугал всех. А призрак все шел и шел вперед, приближаясь к нему, распространяя вокруг себя отвратительный сладковатый запах.

Его губы шевелились, но как Марк ни напрягал слух, он не мог расслышать ни слова. Все вокруг галдели, что-то спрашивали, слышался детский плач. Звуки доносили до него как сквозь вату или сон.

«Отдашшшшшь…»

Марк не был уверен, что слово не почудилось ему. Уже в следующую секунду шипение, похожее на змеиное, заполнило его голову. Он крепко сжал зубы, но когда призрак чуть качнулся к нему, накрыв его волной отвратительной вони, Марк не выдержал и рванул к выходу из столовой.

На улице стало немного легче. Свежий морозный воздух, смешанный с запахом еловых веток, понемногу вытеснял из легких сладковатую вонь разложения.

После разговора с Ритой он входил в дом с опаской, однако призрак уже ушел. В воздухе витал лишь остаток его вони, но и она быстро рассеивалась, заглушаемая ароматом свежей ели, запеченного мяса, овощей, фруктов и бенгальских огней, как и должен пахнуть дом перед Рождеством. Марку удалось остаток вечера провести нормально. Свою молчаливость он объяснял головной болью, а до истинных причин никто не допытывался. Только один раз он тихо спросил у отца, не умирал ли недавно кто-нибудь поблизости необычной смертью. Тот смерил его странным взглядом, однако ответил, что ничего такого не случалось, не став развивать тему дальше. Гретхен тоже вела себя как обычно, бегала и играла с дочкой Франца, не прислушиваясь и не приглядываясь ни к чему необычному.

Ночью, когда весь дом погрузился в сон, а он так и лежал, уставившись в темный потолок, Марк понял, что уснуть не сможет. Прихватив рюкзак, в котором лежали альбом, несколько простых карандашей, кистей и коробка с красками, он забрался на чердак, чтобы набросать портрет призрака, пока тот еще не стерся из памяти. Рита могла утверждать, что портреты у него получаются так же хорошо, как и пейзажи, но она не так много понимала в живописи. Сам Марк знал, что портретист из него аховый. Лица людей быстро стирались из его памяти, путались и изменялись, как бы он ни старался запомнить их. Он мог разглядывать лицо человека несколько минут, но уже через полчаса нарисовать его совсем не так.

Марк сам не понимал, зачем ему понадобилось рисовать призрак, но что-то внутри него шептало, что лучше это сделать. По опыту он знал, что если уж призрак явился, то не отцепится, пока он не выполнит его волю. Что это может быть за воля, Марк представлял плохо. Призрак ничего не просил, ничего не хотел. Бормотал что-то невнятное, неслышное. Чем больше он думал об этом, тем сильнее ему казалось, что тот вообще не понимал, куда попал, и не имел никакой конкретной цели. Может быть, он умер совсем недавно и пока не осознал этого? Людям, умирающим внезапно, часто нужно время чтобы понять, что произошло. А судя по отрубленной голове, его смерть вполне могла оказаться быстрой и неожиданной. Прям Берлиоз.

Марк так увлекся рисованием, что не услышал, ни как скрипнула, открываясь, дверь на чердак, ни как она хлопнула, закрываясь. Вздрогнул и поднял голову только тогда, когда услышал голос брата:

– Не помешаю?

Марк поспешно захлопнул альбом, в котором уже успел сделать несколько набросков карандашом, каждый из которых казался ему непохожим на лицо, увиденное за ужином.

– Как ты узнал, что я здесь?

Франц усмехнулся и протянул ему его же трость.

– Ты оставил ее возле лестницы на чердак. Догадаться, где ты, было несложно. В детстве ты почти все время здесь проводил.

Марк неожиданно для самого себя улыбнулся в ответ и взял протянутую трость.

– Рита заставила ходить на лечебную физкультуру, поэтому теперь я иногда забываю ее где-нибудь.

– Рита определенно хорошо на тебя влияет. – Франц подошел к нему и сел во второе кресло, оглядываясь вокруг. – Хотя четыре года назад я был уверен, что у вас ничего не выйдет.

Марк покосился на него.

– Вот спасибо.

– Прости, но ты был тот еще мудак, – пожав плечами, заявил Франц.

– С чего ты взял, что сейчас что-то изменилось?

– Иначе она давно ушла бы от тебя. И уж точно не стала бы рожать от тебя ребенка. Тебя, знаешь ли, очень сложно было выносить больше получаса.

– Именно поэтому ты запретил звать меня на прощальный ужин перед вашим отъездом?

Марк сказал это и тут же пожалел. Не следовало этого делать. Он прекрасно понимал, почему его не позвали, и был абсолютно согласен с характеристикой Франца. Он был тот еще мудак. Просто тогда ему было так легче. Проще. И не было никого, ради кого хотелось бы все изменить. Пожалуй, Франц прав, Рита действительно хорошо на него влияет. Даже если теперь иногда приходится поступаться своим мнением, искать компромиссы и делать так, как хочет она.

– Да, – честно признался Франц. – Я не хотел, чтобы ты его испортил. Вы с Ириной обязательно поругались бы.

– Мы и так поругались, – хмыкнул Марк, в очередной раз не сдержавшись. А ведь за ужином выпил всего бокал вина.

Франц, к его сожалению, оговорку заметил. Он немного помолчал, разглядывая в полутьме чердака, освещенного лишь фонарем на столе, профиль младшего брата, а затем понимающе хмыкнул.

– Она приходила к тебе. Как я сразу не догадался?

– Между нами тогда ничего не было, если ты переживаешь, – заверил его Марк. – Между нами вообще ничего не было с того самого дня, как я попал в аварию.

Франц снова задумался на несколько долгих секунд, теперь рассматривая что-то в темном углу, куда не дотягивался свет фонаря.

– Иногда я чувствую себя идиотом из-за того, что простил ее, – вдруг признался он.

Марк удивленно посмотрел на него. Его всегда удивляло, что Франц простил своей жене трехлетний роман с младшим братом у него под носом. Сначала он злился на него, думал, что если бы он ее не простил, Белль вернулась бы к нему. Потом злость прошла. Но недоумение все равно осталось. При этом ему всегда казалось, что Франц не жалеет о своем решении.

– Ты поступил правильно. Она была молодая и глупая, а я со своей стороны сделал все, чтобы склонить ее к этому.

Франц снова усмехнулся, но на этот раз улыбка получилась довольно кривой.

– Я тоже так всегда считал, – снова признался он, и Марку показалось, что он спит. Не может брат, который, как он всегда думал, ненавидел его всей душой, пойти вдруг на такие откровения. Что с ним случилось за четыре года? – Сразу обвинил тебя во всем. Ты практически с самого детства казался мне ненормальным. В какой-то степени я, наверное, тебя презирал. За то, что ты не такой, как я. Как все мы. Мне казалось, что любой должен быть благодарен нашим родителям за то, что они дали нам. Стараться соответствовать, получить хорошее образование, устроиться на приличную работу. А ты был бунтарем с этими своими картинами, художественными школами, выставками, фамилиями. И когда я узнал, что моя жена спала с тобой три года, я – уж извини, но буду говорить правду – искренне хотел, чтобы ты так и не очнулся после аварии. Да, теперь мне стыдно, что я желал тебе смерти, но так и было. Но ты выжил и стал еще более странным. Призраки, магические салоны, медиумы, колдуньи. Если искусство я хоть как-то мог понять, то это…

Марк вдруг наклонился и вытащил из-за кресла бутылку вина, которую прихватил с собой, поднимаясь на чердак.

– Будешь? – поинтересовался он у брата. – Только у меня один бокал.

Тот кивнул.

– И без бокала сойдет.

Марк налил себе немного вина и протянул ему бутылку.

– Не могу отрицать, что я делал все, чтобы ты меня презирал, – в свою очередь признался он, сделав глоток. – И до аварии, и особенно – после. Но что-то мне подсказывает, что ты завел этот разговор среди ночи не просто так.

Франц посмотрел на него со странной кривой ухмылкой. Марк одновременно узнавал и не узнавал его. Никогда еще они не вели таких откровенных бесед. Франц был старше него на пять лет, совсем другого склада ума, и близости между братьями не было даже в детстве.

– Ты прав. Просто хотел извиниться. Мне кажется, даже наши родители уже поняли, что нужно было научиться принимать тебя таким, какой ты есть, не ломать, не пытаться подстроить под свои желания. Я теперь тоже это понял.

Марк удивленно приподнял брови.

– Мне, конечно, лестно, но с чего вдруг?

Прежде, чем ответить, Франц приложился к горлышку бутылки, затем поставил ее на пол и полез в карман джинсов. Он вытащил оттуда довольно мятый, сложенный вчетверо альбомный лист и протянул Марку. Тот взял нерешительно, даже не предполагая, чего ожидать.

Внутри оказался портрет девочки, сидящей в центре огромного цветка, как маленькая Дюймовочка. Марк без труда узнал Сабину и не мог не признать, что неизвестный художник очень постарался. Конечно, не без огрехов, которые обычно устраняют в художественной школе, но тем не менее очень и очень талантливо. Возможно, он сам нарисовал бы девочку не намного лучше.

– У автора большой потенциал, – хмыкнул Марк, разглядывая рисунок, сделанный цветными карандашами, а затем посмотрел на брата. – Кто он?

– Алекс.

Брови взлетели вверх так быстро, что он едва успел остановить их.

– В самом деле?

Франц кивнул.

– Удивительно, да? Я всегда презирал тебя за это, и вот мой сын оказался таким же, как ты. Ненавидит математику, абсолютно не понимает физику, не в состоянии растянуть карманные деньги на неделю, но рисует как Леонардо.

Марк снова уставился на рисунок, чувствуя при этом внимательный взгляд Франца на себе. Он вдруг понял одновременно две вещи: Франц знает, что Алекс его сын, и знает, что Марк тоже это знает. Убедившись в том, что лицо его не выдаст, Марк протянул рисунок обратно.

– Отдай его в художественную школу, – спокойной посоветовал он. – У твоего сына определенно есть талант. Может что-то получиться. Если же нет, по крайней мере, он будет знать, что ты его поддержал. Поверь, для него это важно.

Франц сложил рисунок обратно и положил в карман.

– Спасибо, – сказал он, и Марку внезапно показалось, что благодарил он вовсе не за совет.

Наверное, стоило на этом закрыть тему, но Марк не удержался. Иногда его посещало навязчивое желание договорить до конца, даже если это могло все испортить.

– Хочу, чтобы ты знал. Я когда-то уже обещал это Рите. Ты – второй человек, кому могу пообещать то же самое.

Франц внимательно посмотрел на него, и Марк продолжил:

– От меня Алекс никогда ничего не узнает. И мне… – Марк вдруг понял, что ему мешало с легкой душой пойти на сегодняшний вечер, какое чувство грызло с того самого момента, как

Рита заикнулась о нем. – Мне стыдно за то, что я спал с твоей женой, – все же признался он, хотя когда-то говорил Рите, что не жалеет об этом.

Франц смотрел на него очень долго, словно рассматривал и запоминал каждую черту лица, как любил это делать сам Марк, а затем кивнул, поднялся на ноги и протянул ему бутылку с остатками вина. Уже у самой двери вниз он снова обернулся.

– Марк… Я рад, что твоей жене пришло в голову собрать нас вместе.

– Я знал, на ком жениться, – с кривой усмешкой хмыкнул тот.

Глава 7

– Nein, nein, bitte! Nicht werfen![1] – громко смеясь, кричала Сабина, перебегая под градом снежков из одного конца двора в другой.

Соня тоже смеялась, но, конечно же, с ее стороны не доносилось ни звука. Они с Марком прятались за тонкой и довольно кривой стеной из снега, посылая снежки в сторону бегущей Сабины.

– Точнее, Гретхен, вот так, – поучал Марк, показывая, как надо направлять снежок, но не прикладывая к броску особых усилий, чтобы не сшибить племянницу с ног.

Соня смеялась еще сильнее, бросала снежки, но те попадали куда угодно, только не в Сабину. Что не мешало той визжать так, как будто каждый снежный комок достигал цели.

– Lauf zu mir, Sabina! Schneller![2] – подгонял девочку Франц, стоя за такой же снежной стеной напротив Марка и Сони, только гораздо более ровной и крепкой.

Почти сразу после того, как все позавтракали и наконец открыли рождественские подарки, Марк и Франц, подхватив дочерей, отправились на улицу, где за ночь выпало невероятное для последних теплых зим количество снега. Здесь, вдали от центра города, рядом с сосновым лесом, держался легкий мороз, а потому снег не таял. Почти час они строили крепости – каждый свою, конечно же – а затем принялись играть в непонятную игру, отправляя девочек по очереди во вражеские крепости и попутно обстреливая соперника из снежков.

Елизавета Дмитриевна была вынуждена уехать на работу по какому-то срочному делу, Гедеон Александрович тоже закрылся в своем кабинете, чтобы немного поработать и освободить вторую половину дня. Ирина сказалась больной и не выходила из комнаты, Алекс с парнем Анны играли в компьютерную игру, а Вера Никифоровна с Галиной пекли очередной пирог. Только Рита с Анной, закутавшись в шерстяные пледы поверх теплых свитеров, сидели на террасе, держа в руках по чашке с глинтвейном, и наблюдали за игрой.

– Как ты думаешь, почему они не научили Сабину русскому языку? – вдруг спросила Анна после очередного глотка горячего пряного напитка.

Пить глинтвейн еще до обеда была ее идея. Ее вес едва достигал сорока пяти килограммов, и она страшно мерзла на улице, однако хотела посидеть на террасе и подышать свежим воздухом.

Рита пожала плечами.

– Наверное, не все дети могут усвоить два языка в таком нежном возрасте, – предположила она. – Возможно, Сабина как раз из таких. Раз уж она родилась и живет там, ходит в немецкий садик, вполне логично, что Франц и Ирина отдали предпочтение немецкому языку.

Анна покосилась на нее и снисходительно улыбнулась, словно уличила ее во лжи.

– А я вот считаю, что тут как в известной поговорке: самые большие ханжи получаются из бывших проституток.

Рита удивленно вздернула брови и тоже посмотрела на нее.

– В каком смысле?

Анна хмыкнула, откинулась на спинку большого плетеного кресла, переведя взгляд на братьев и племянниц.

– Хочет показать, какая она хорошая и как ценит долбанные традиции нашей семейки. Мы же такие этнические немцы, сил нет. И ребенок должен говорить по-немецки лучше, чем по-русски. Искупает грехи за первые годы брака с Францем.

---

[1] Нет, нет, пожалуйста. Не бросайте! (нем.)

[2] Беги ко мне, Сабина! Быстрее! (нем.)

Анна замолчала, снова поднеся к губам чашку. Рита тоже не знала, что сказать. Они с сестрой Марка никогда не были особенно близки, хотя Анна ей нравилась. Просто она всегда была словно на своей волне, в беседах участвовала мало и мнение свое высказывала редко. Рита не знала, как она вообще относится к той давней истории.

– Знаешь, когда мы все узнали о том, что она три года крутила роман с Марком, и родители, и Франц, конечно же, обвинили во всем его, – продолжила Анна, так и не посмотрев больше на нее, продолжая следить взглядом за братьями. – Он лежал в коме и не мог ничего сказать в свою защиту, а она рыдала, рвала на себе волосы и говорила, что виновата. Конечно же, выставила себя белой и пушистой, а его – коварным соблазнителем. Только я тебе так скажу, – Анна поставила чашку с недопитым глинтвейном на низкий столик и неожиданно наклонилась к Рите. – Она в Марка втрескалась с первого взгляда и замуж за Франца вышла не только из-за денег, но и чтобы поближе к его брату быть. Марк едва ли женился бы на ней. Я к ним в постель не заглядывала, мне тогда всего пятнадцать было, но еще большой вопрос, кто там кого соблазнял. А когда она поняла, что Марк – все, возможно, и с постели не встанет никогда, вспомнила о своей безумной любви к мужу. Тем более как раз залетела. Растить одной ребенка на алименты совсем не то же самое, что быть женой и матерью в семейке Вебер. Конечно, Марк ее тоже любил. И знаешь, я его совсем не виню в том, как он себя вел после аварии. Но тогда Ирина изображала из себя утомленную его поведением, ставшую на путь истинный женщину, и ей все сочувствовали, считая его козлом. А сейчас, когда она увидела, что он снова счастлив, только уже без нее, ее это бесит. Она-то думала, что без нее он никто и ничего никогда уже не сможет.

Выпалив эту тираду, Анна снова откинулась на спинку и посмотрела на Риту, ожидая ее реакции.

– Зачем она вообще все рассказала? – спросила та. – Ведь Марк мог умереть, и тогда никто ничего не узнал бы.

– Нам отдали вещи, оставшиеся в его машине. Мало того, что там был телефон с кучей компрометирующих звонков и смс-ок, так еще и дорогой подарок: цепочка с кулоном ее знака зодиака. Авария случилась накануне ее дня рождения. У Франца и раньше возникали подозрения, он же не дурак, а этот кулон все расставил по своим местам. Да и она не сильно защищалась.

Рита опять не знала, что сказать. Она не врала Марку вчера: задумывая этот ужин, она преследовала цель не только наконец помирить его с братом или хотя бы создать видимость такого примирения. В каком-то смысле ей хотелось расставить все точки над «i» и в его отношениях с Ириной, потому что ей все еще казалось, что она не дотягивает до нее. Только познакомившись с Марком, она думала, что ей никогда не превзойти для него Леру, но вскоре поняла, что Лера была лишь эпизодом. Настоящей ее соперницей оставалась Ирина. И хоть та была любовницей, а она – женой и матерью его ребенка, ей все еще казалось, что она не так хороша. Что она хуже. Что Ирину Марк любил сильнее, ярче. Кому нужно это соревнование, Рита не знала, но ничего не могла с собой поделать.

– Думаешь, со мной он более счастлив, чем был с ней? – все же не удержалась она от вопроса.

Анна посмотрела на нее так, словно она спросила несусветную глупость.

– Ты это серьезно? – не поверила она, но, увидев выражение лица Риты, поняла, что ответ значит для той гораздо больше, чем она могла бы подумать. – Рита, ты сделала с ним то, чего не мог никто до тебя: заставила забыть о собственном эгоизме. Я очень люблю своего брата, но никогда и подумать не могла, что найдется человек, которого он будет любить больше, чем себя. А сейчас я смотрю на то, как он обращается с Гретхен, и понимаю, что такой человек есть. Не знаю, любит ли он тебя так же, как себя самого, но дочь он обожает. Ради вас он бросил всю эту ерунду с призраками и магическими салонами, нашел стабильную работу и не портит

каждый наш совместный ужин. Даже вчера – ты же видела – если бы не придирки Ирины, он был бы ангелом. И ты еще задаешь мне такие вопросы?

Рита смутилась и отвернулась. Ерунду с призраками и магическими салонами он бросил не ради них, а потому что Ксения погибла, Лера исчезла. Салон развалился сам, и у Марка не осталось выбора. Работу тоже пришлось найти. Ему нужно было обеспечивать семью, которую он, возможно, даже не хотел. Когда Рита сказала ему о своей беременности, он ни неосторожным словом, ни неправильным взглядом не дал ей понять, что не хочет жениться на ней и заводить ребенка, однако она все равно до сих пор сомневалась. Слишком уж отличался этот Марк от того, с которым она познакомилась однажды в больничном сквере и которого знала первые несколько месяцев. Денег требовала и реабилитация, на которую она тоже почти силой заставила его пойти. Возможно, со стороны выглядело, что он ради нее и дочери кардинально изменил свою жизнь, но она знала, что у него просто не было выбора.

Продолжить разговор им не дали: тяжелые металлические ворота внезапно загудели и медленно разъехались в стороны, впуская во двор большой внедорожник, принадлежащий старшему Веберу, однако за рулем которого сидела Елизавета Дмитриевна. За ночь город прилично замело, снегоуборочные машины не успевали расчистить даже городские улицы, что уж говорить о частном секторе на окраине. Поэтому ей пришлось взять машину мужа вместо своей.

– В городе просто кошмар, – объявила Елизавета Дмитриевна, неумело выбираясь из большой машины и вытаскивая за собой кучу праздничных пакетов.

Она не удержалась и проехалась по магазинам, чтобы купить еще сладостей, которые вчера неожиданно закончились, и подарков внукам. И даже то, что Вера Никифоровна и Галина обещали пирог, ее не удержало. Рита с тоской подумала, что после праздников ей снова придется лечить Соне дерматит от сладкого, а самой садиться на голодную диету. Она и так никогда не отличалась худобой, а после таких обедов и ужинов точно не влезет ни в одни джинсы.

Они с Анной тут же спустились с террасы, чтобы помочь Елизавете Дмитриевне с пакетами. Марк с Францем и девочками тоже оставили игру и подошли к ним.

– И в чем же кошмар? – поинтересовался Франц, забирая у матери большую коробку с пирожными.

– Во-первых, там все еще идет снег, – принялась перечислять та. Раздав все коробки и пакеты, она поцеловала обеих внучек и направилась к дому, не забывая оглядываться, то ли чтобы убедиться, что все идут за ней, то ли чтобы ее было лучше слышно. – Причем такой, что техника с уборкой не справляется. Даже Невский стоит мертво. А во-вторых, эти мои китайцы захотели не только экскурсию по Эрмитажу, но еще обязательно заехать и в Русский музей!

Елизавета Дмитриевна выразительно вздохнула. Вообще-то она не работала экскурсоводом, но иногда, когда гости приезжали очень важные, ее просили сопроводить группу. О предстоящем приезде китайской делегации было известно давно, однако они собирались явиться в первых числах декабря, и когда перенесли визит, Елизавета Дмитриевна сильно огорчилась, однако отказать не смогла. Она надеялась справиться сегодня побыстрее, а потому можно было представить, в какое недовольство ее привела просьба китайцев посетить еще один музей. Хотя Рита могла поклясться, что никто из группы ее недовольства не заметил, она наверняка была мила и учтива. Ее свекровь умела играть нужные эмоции, когда ситуация того требовала, а потому Рита до сих пор иногда сомневалась в искренности ее слов и поступков.

Они наконец вошли в дом и смогли раздеться, сгрузив все пакеты в просторной прихожей.

– Я предупреждала водителя не выезжать на набережную, – продолжила Елизавета Дмитриевна, – но он решил, что там наоборот будет свободнее.

– И вы наверняка встали в пробку, – усмехнулся Марк, предугадывая развитие событий.

– И в какую! – Елизавета Дмитриевна снова выразительно округлила глаза. – Дворцовую было просто не проехать. Мы толкались там минут сорок. Антон Михайлович, наш водитель, еще и байки отвратительные травил. Ненавижу с ним ездить. Представляете, там вчера неподалеку случилась страшная авария: молодой водитель не справился с управлением, на большой скорости врезался в столб, и ему оторвало голову. Антон Михайлович так красочно расписывал, у меня голова разболелась…

Рита почти физически почувствовала, как напрягся рядом Марк. Она посмотрела на него, замечая, что он на самом деле замер и с испугом в глазах уставился на мать.

– Что ты сказала? – переспросил он вмиг охрипшим голосом.

Елизавета Дмитриевна удивленно посмотрела на него.

– Голова разболелась от кровавых подробностей, – повторила она.

– Нет, до этого. Какая авария?

– Была вчера недалеко от Дворцовой.

Марк еще несколько секунд разглядывал ее, а затем вдруг повернулся к лестнице и, хватаясь за перила обеими руками, с несвойственной ему скоростью поторопился наверх.

– Марк, ты куда? – спросила ему вслед Елизавета Дмитриевна.

– Посмотрю, куда делась Гретхен, – не оборачиваясь, ответил он.

Елизавета Дмитриевна только вздохнула и повернулась к оставшимся в коридоре.

– Он все еще тяжело переживает любые упоминания о серьезных автомобильных авариях, особенно если кто-то погибает. Не нужно было мне при нем рассказывать.

– Двенадцать лет прошло, – заметила Анна.

– Творческие люди – натуры впечатлительные.

Она подхватила несколько пакетов и направилась в сторону кухни. Франц и Анна последовали за ней, взяв остальные пакеты, а Рита так и осталась в прихожей, глядя на лестницу, хотя Марк уже добрался до второго этажа и скрылся за поворотом.

Дело было не в его аварии, Рита точно знала. Он очень редко вспоминал о ней в последнее время, даже машину водить больше не боялся, хотя раньше, когда они только познакомились, категорически отказывался садиться за руль. Однажды, сильно поругавшись, она бросила его одного в машине далеко от дома, и он терпеливо ждал, пока за ним приедет Лера, но за руль так и не сел.

Рита посмотрела в сторону кухни, а затем снова перевела взгляд на лестницу. На втором этаже стукнула дверь, и она решительно направилась следом за Марком.

Он нашелся в их комнате. Уже успел включить ноутбук и, пока тот загружался, расхаживал по комнате, хромая сильнее обычного и явно нервничая.

– Марк, что случилось? – с тревогой спросила Рита, закрывая за собой дверь.

Он остановился посреди комнаты и посмотрел на нее. Только в глазах его вовсе не было страха. Рита скорее идентифицировала бы это как… заинтересованное возбуждение.

– Этот человек приходил сюда вчера, – сказал он.

Рита непонимающе мотнула головой.

– Что? Какой человек?

– Тот, про которого сказала мама. Который разбился вчера на Дворцовой.

– С чего ты взял, что это он?

– Он держал свою голову в руках, – выпалил Марк.

Он собирался сказать что-то еще, но в этот момент ноутбук издал короткий сигнал, возвещающий, что система наконец загрузилась, и он тут же бросился к столу. Рита проводила его растерянным взглядом, а затем осторожно подошла чуть ближе.

– Марк, я ничего не поняла.

Марк на секунду посмотрел на нее, а затем снова вернулся к ноутбуку, громко стуча по клавишам.

– Призрак, который приходил вчера, сильно пах, значит, был свежим. Очень свежим, – торопливо заговорил он, не отрываясь от экрана. – И он нес в руках свою голову. Честно говоря, именно этого я испугался, никогда такого не видел. Возможно, через какое-то время после смерти они принимают свой обычный вид, но сразу после нее выглядят так, как в момент гибели. Я не знаю наверняка. Но описание призрака подходит под вчерашнего погибшего. Я хочу поискать точное время аварии, чтобы узнать, мог ли это на самом деле быть он. А если повезет, то еще имя и фотографии.

Рита обошла стол, за которым он сидел, и присела на его краешек, спиной к ноутбуку, не желая заглядывать в экран и видеть фотографии с места аварии. Ей хватило подобного зрелища за тот год, что она работала на «скорой». Если Марк не вспоминал о своей аварии, то она делала это слишком часто. Раньше подобное зрелище ее не смущало, но теперь, глядя на Марка, она часто видела перед мысленным взором его окровавленное лицо и безжизненные карие глаза. Думала о том, что если бы тогда знала, чем для нее могут закончиться попытки помочь другим, возможно, не рискнула бы его спасти, как не рисковала теперь. И не получила бы всего того, что у нее есть.

Марк торопливо крутил колесико мышки и щелкал клавишами, пролистывая различные новостные сайты, пока наконец не нашел то, что искал.

– Иван А., семнадцать лет, – прочитал он вслух, хотя Рита вовсе не просила об этом. – Взял машину у друга, прав не имел, зато алкоголь в крови присутствовал. Врезался в столб и вылетел через лобовое стекло, поскольку не был пристегнут. Интересно, как ему голову-то оторвало?

Рита не могла сказать, что ее это интересовало.

– Зачем он тебе? – спросила она, пока он не успел выдать еще какие-нибудь кровавые подробности.

Марк пожал плечами, продолжая листать сайты. В век мобильных телефонов и Интернета люди, вместо того, чтобы оказывать помощь пострадавшим, частенько предпочитают снимать их на телефон и выкладывать в сеть, иногда даже не замазывая лица.

– Хочу понять, зачем он приходил.

– Он что-то говорил?

– Нет, ничего, в этом и загвоздка. Если он чего-то хотел, то почему не сказал?

– Может быть, он и не хотел ничего сказать? – предположила Рита. – Может быть, ты просто оказался ближайшим медиумом, и он зашел… попрощаться?

Марк хмыкнул, открывая новые вкладки.

– Знаешь, если бы каждый, кто так или иначе умирает в этом городе, наносил мне прощальный визит, я бы давно свихнулся. Нет, он определенно явился сюда не просто так. – Марк откинулся на спинку кресла и запустил пальцы в отросшие светлые волосы: Рита так и не смогла заставить его посетить парикмахерскую перед Рождеством. – Сегодня уже не стану всех пугать, но завтра заеду в студию и попробую с ним связаться.

Она ничего не ответила. Ей не нравилась эта идея. Четыре года им было так хорошо без призраков и их желаний, и она с удовольствием никогда бы к этому не возвращалась, но Марку ничего не сказала. С ее стороны было бы очень неправильно согласиться на призыв прабабки, чтобы узнать ее секрет, и возражать против вызова других призраков. Это были бы те самые двойные стандарты, которые она так не любила, поэтому предпочла промолчать.

* * *

Ближе к вечеру бабушка засобиралась домой, поскольку на завтрашнее утро у нее была запланирована встреча с подругами. Они вместе работали когда-то в школе и продолжали

встречаться несколько раз в год, даже выйдя на пенсию. Встреча перед Новым годом была традиционной. Традиции Вера Никифоровна любила и старалась их не нарушать.

Рита вызвалась отвезти ее, объясняя это тем, что ей нужно забрать из дома кое-какие вещи Сони, которые они забыли, но на самом деле она просто хотела остаться с бабушкой наедине и наконец выспросить подробности о той родственнице, которая владела секретом их дара. Она так и не выбралась сделать это раньше. Все время что-то мешало, хотя в глубине души Рита понимала, что ей просто страшно заводить этот разговор. Чего именно она боится, она не могла себе внятно объяснить. Бабушка скрывала их дар всю ее жизнь, всячески избегала подобных разговоров и до сих пор начинала заметно нервничать, когда Рита заводила о нем речь.

Отдав указания Марку по поводу сна и еды Сони, которые он, конечно же, не станет выполнять, они покинули гостеприимный дом Веберов. На город спустились ранние зимние сумерки, с неба ленивыми пушистыми хлопьями продолжал падать снег, вдоль дороги, сливаясь в ленту, плыли яркие огоньки украшенных домов, из приемника лилась тихая музыка, и Рита никак не могла решиться нарушить эту волшебную атмосферу, не зная, с чего начать разговор.

– Мне кажется, у тебя получилось то, чего ты хотела, – внезапно сказала бабушка, когда частный сектор, где жили Веберы, остался позади, и они выехали на широкий городской проспект.

Рита покосилась на нее, не понимая, что именно она имеет в виду.

– О чем ты?

– Семейный ужин прошел неплохо, учитывая все обстоятельства, – пояснила Вера Никифоровна. Рита чувствовала на себе ее заинтересованный взгляд, ожидающий реакции.

– Да, наверное, – кивнула она. – По крайней мере, с братом Марк, кажется, помирился.

Бабушка кивнула.

– Но почему мне кажется, что тебя сейчас волнует не это? – спросила она спустя некоторое время.

Рита закусила губу, преувеличенно внимательно глядя на дорогу. Проспект был хорошо очищен от снега, машин в это время суток на нем было немного, час пик еще не начался, однако она все равно делала вид, что занята обстановкой на дороге. Она не знала, как задать свой вопрос правильно. Была уверена, что бабушке он не понравится, поэтому решила начать издалека.

– Я просто думаю, почему, когда я была маленькой, мы с тобой никогда не ездили к другим бабушке с дедушкой? Родителям мамы. Они же жили не так далеко?

– В Смоленской области, – подтвердила бабушка, и в ее голосе послышался заметный холодок.

– У них были еще дети, кроме мамы?

– Еще одна дочь. Почему ты вдруг вспомнила о них?

– Не знаю, – Рита как можно беззаботнее пожала плечами. – Просто увидела, как легко и быстро Соня подружилась с Сабиной, хотя они никогда раньше не встречались, и подумала, что у меня же тоже, наверное, есть двоюродные братья или сестры? Мне так хотелось большую семью, но мы с тобой всегда были вдвоем.

– Значит, на то были причины, – холодно заметила бабушка, отвернувшись к окну.

– Какие?

Вера Никифоровна молчала.

– Бабуль, – позвала Рита. – Я уже выросла, ты можешь мне сказать. Даже если они по какой-то причине не хотели меня видеть, я смогу это пережить.

– Они не хотели тебя видеть, – ровным тоном подтвердила бабушка, так и не повернувшись к ней, разглядывая припорошенные снегом деревья на обочине: они как раз проезжали мимо огромного парка.

Что-то острое кольнуло в сердце. Сказать, что она сможет это пережить, оказалось гораздо проще, чем сделать. Рита почти не помнила тех бабушку с дедушкой, но знать, что они действительно не общались с ней по своей воле, все равно было больно.

– Почему? – голос предательски дрогнул, и бабушка, к сожалению, это заметила.

– Дорогая, – она заметно смягчилась, отвернулась от деревьев и посмотрела на внучку. – Зачем тебе это? Почти двадцать пять лет прошло.

– Просто хочу знать, чем мог провиниться семилетний ребенок.

Бабушка вздохнула и несколько долгих минут молчала, не то собираясь с мыслями, не то придумывая слова, чтобы не сделать ей слишком больно.

– Как я тебе однажды уже говорила, когда твои родители поженились, мы еще не скрывали свой дар, – наконец начала она. – И твоя мама, и ее родители знали, что и я, и Саша можем исцелять людей. Но мы не пользовались этим даром, и всех все устраивало. Если они и считали нас проклятыми, то вслух не говорили, а у Люды хватало ума не передавать нам их слова, даже если они что-то говорили ей. Но потом родилась ты, Саша начал пользоваться даром. И когда они погибли, родители твоей мамы обвинили во всем его. Ведь если бы он не исцелял других, то не умер бы. И не захватил бы с собой жену. Они знали, что этот дар есть и у тебя. Сразу после похорон сказали мне, что будет лучше тебе не приезжать к ним в гости. Не потому что боялись. Наверное, им просто… было больно тебя видеть, ведь ты напоминала им о том, что произошло.

Рита сильнее вцепилась в руль, глубоко дыша и стараясь переварить услышанное. Она подозревала, что бабушка сильно смягчила формулировки, чтобы пощадить ее, и точно так же понимала, что она до сих пор на них обижена за это.

– Поэтому будет лучше, если и родные Марка не будут знать о нашем даре, – осторожно заметила Вера Никифоровна, с сочувствием глядя на внучку.

Рита кивнула. Они и не знали. В такие вещи сложно поверить обычным людям, они и общение Марка с призраками до сих пор считали не то блажью творческой личности, не то последствием черепно-мозговой травмы. Все предпочитали избегать подобных тем.

– Но если бы мы знали, как пользоваться даром, не забирая болезни людей на себя, нам не было бы нужды скрывать его, – осторожно заметила она, ступая на зыбкую почву.

Пальцы Веры Никифоровны сжались вокруг ручки сумочки, лежащей у нее на коленях, но голос прозвучал ровно, хотя Рита, прекрасно знавшая бабушку, услышала в нем тщательно скрываемый контроль.

– К сожалению, это знание утеряно.

– Мы могли бы попробовать восстановить его.

Бабушка ничего не ответила. Рита украдкой взглянула на нее, замечая плотно сжатые тонкие губы, что было верным призраком ее раздражения. Наверное, в любой другой день Рита свернула бы разговор, но она и так с трудом решилась на него.

– Марк ведь может связаться с твоей бабушкой, – продолжила она, – той, которая знала секрет. И спросить у нее, что делала она. Мы не знаем точно, получится ли, но можно попробовать.

Вера Никифоровна снова промолчала. На этот раз Рита молчала тоже, дожидаясь хоть какой-то реакции.

– Если вы уже все решили, зачем ты сейчас говоришь это мне? – наконец поинтересовалась Вера Никифоровна. – Ждешь моего благословения?

В ее голосе прозвучало откровенное раздражение, но Рита сделала вид, что не заметила.

– Нам нужны какие-нибудь сведения о ней. Имя, отчество. Где она жила, почему и когда умерла? Ты как-то говорила, что она дожила до седин, но больше я ничего о ней не знаю.

– Она умерла в блокаду. Потому что ни один дар не способен исцелить от голода. Особенно когда голодают все вокруг.

– Как ее звали?

Вера Никифоровна снова промолчала, и губы сжались в совсем уж тонкую нитку.

– Ба?

– Рита, зачем тебе это? Почему ты просто не можешь забыть о том, что у тебя вообще есть этот дар?

– Потому что я хочу помогать людям.

– Ты врач, вот и помогай, как тебя научили в университете. Нечего лезть в то, в чем ты ничего не понимаешь.

– Есть вещи, которые невозможно вылечить обычными методами, – упрямо заявила Рита. – Например, я могла бы помочь Марку.

Бабушка повернулась к ней, и острый взгляд обжег ей щеку.

– По-моему, он и сам прекрасно справляется.

– Реабилитация продвигается очень медленно.

– У него вся жизнь впереди, успеет.

– Ты тоже все чаще жалуешься на сердце.

– В моем возрасте это нормально.

– Но я не хочу потерять тебя.

– А я не хочу потерять тебя!

Рита поняла, что разговор зашел в тупик. Она не понимала такого упрямого нежелания бабушки говорить о даре. И у нее оставался всего один аргумент:

– Но ведь этот дар есть у Сони, – сказала она, уже заезжая во двор. – Как мне объяснить ей, что не стоит им пользоваться?

– Словами, Рита, – строго отрезала бабушка. – Объясни словами. Она не говорит, но все прекрасно понимает. И начни с детства. Не повторяй моей ошибки.

Рита ничего не ответила. Взяв необходимые вещи, она вернулась к Веберам, у которых в самом разгаре было праздничное веселье. Крепости во дворе стали как минимум раза в два больше, и теперь в импровизированной битве участвовали и Алекс с парнем Анны. Снежки летали над двором как гранаты на поле боя, стена из красного кирпича была залеплена разбившимися снарядами, один из которых добрался почти до крыши. Соня, конечно же, пропустила полдник, но загнать ее в дом сейчас не представлялось возможным.

Поговорить с Марком наедине удалось только поздно вечером, когда они купали Соню в ванной перед сном.

– Не понимаю я этого упрямого молчания, – выговаривала Рита, тщательно контролируя интонации, чтобы не испугать ребенка. – Я еще могла понять ее желание заставить меня отказаться от дара, когда это было опасно, но сейчас? Если мы действительно можем узнать секрет, почему она ставит палки в колеса?

Марк пожал плечами, выстраивая аккуратную пирамиду из пены на голове у Сони и глядя на то, как она заливается смехом.

– Если мы не понимаем ее мотивов, это не значит, что у нее их нет. Придется идти окольными путями.

– Это какими? – насторожилась Рита.

– Узнать имя ее бабки самостоятельно.

Рита задумалась, глядя на покосившуюся пенную пирамиду, готовую вот-вот рухнуть.

– В принципе, можно посмотреть в документах, – наконец произнесла она. – У нас дома их много, и они в идеальном порядке, бабуля в этом педант. Возможно, там что-то есть. Займемся этим после праздников.

Марк не стал возражать, потому что в этот момент пирамида наконец рухнула.

Глава 8

После смерти матери все плавно, но неминуемо полетело вниз. Поля перестали давать такие богатые урожаи, как раньше, амбары больше не ломились от зерна. Скот голодал, коровы давали мало молока, свиньи поедали собственных поросят. С каждым годом животных становилось все меньше, а те, что остались, выглядели болезненно и жалко. Вдобавок на скот напала какая-то неизвестная болезнь, и их ослабленные организмы не могли сопротивляться недугу.

Голодали, болели и умирали и крестьяне. Кто мог – ушел, кто остался – истрепался и стал походить на городских бродяг. Жившие когда-то в дружбе соседи все чаще ругались, и когда известный на всю округу весельчак и богатырь Матвей, превратившийся за несколько лет в опустившегося пьяницу, зарубил своего зятя, никто почти не удивился.

Неспокойно было и в барском доме. Крыша прохудилась и начала протекать, мебель обветшала, слуги совсем разленились. Отец все чаще закладывал за воротник, и к тому моменту, как дети выросли, когда-то процветающее поместье пришло в упадок.

Старшая сестра Лизы, Ольга, вышла замуж практически без приданого. Муж увез ее в Петербург, и она никогда не навещала родное поместье. Лиза ездила к ней один раз, пришла в восторг от большого дома, выходящего окнами на реку, от богатой парадной, от нарядов и украшений сестры. Брат Алексей поступил в кадетское училище и домой тоже не приезжал. Только Николай остался в отцовском доме. Пить вдвоем им было веселее. И если отец никогда не распускал рук, то от брата Лизе частенько доставалось.

Она, конечно же, тоже никуда не уехала. Кто мог взять ее замуж? Даже Ольга больше не звала погостить. Иногда присылала младшей сестре книги и отрезы тканей для новых платьев, на Рождество – сладости, но в гости не звала. У нее родился ребенок, сын, и Лизе казалось, что она, как и все остальные, боится ее.

Старая няня рассказала кухарке, что в момент смерти барыни с ней была только Лиза. О рыжеволосой незнакомке она то ли не знала, то ли специально умолчала. Кухарка поделилась с женой конюха, и вскоре говорила об этом вся деревня. Лиза тогда была совсем крохой, но даже она замечала на себе косые взгляды всегда относившихся к ней по-доброму и жалевших ее крестьян и слуг. Когда она подросла, ее уже в открытую называли ведьмой. Почему-то никто не помнил, что при матери поместье процветало, что она была добра и помогала всем, кто обращался к ней за помощью, и если бы младшая дочь и получила от нее какой-то дар, то едва ли проклятый.

Во всех несчастьях теперь винили Лизу. Даже когда пьяного конюха затоптал табун лошадей, и то виновной объявили ее. Жена конюха рассказывала всем в деревне, что видела, как Лиза прошлой ночью бродила вокруг конюшни с букетом из каких-то неведомых цветов и дьявольски смеялась, когда несчастная женщина попыталась окрестить ее знамением. От расправы Лизу спас отец, когда несколько крестьян выловили ее за амбаром и угрожали вилами. Наверное, он ее все же по-своему любил, хотя Лиза так и не простила ему того, что в ночь смерти матери он решил пожертвовать именно ею.

Она не чувствовала в себе никакой особой силы, которая наверняка появилась бы в ней, если бы мать на самом деле передала ей какой-то дар. Лиза жалела об этом: если бы только она могла снова вернуть поместью процветание…

Она хорошо помнила тот вечер, который изменил ее жизнь. Снова была зима, снова за окном вот уже сколько дней подряд выла вьюга. Как будто все важные события в ее жизни должны были происходить именно в такую пору. Только теперь в доме было холодно и противно. Еще вчера закончились дрова, топить печку было нечем. Старый Осип обещал вот-вот принести вязанку, но так и не выбрался, а заставить его было некому. Уж Лизу-то он точно не

боялся и не слушался. Дом почти полностью выстыл, пахло прогорклой капустой и гниющей в углу тряпкой.

Лиза сидела в своей комнате на втором этаже, закутавшись в теплый пуховой платок – подарок Ольги к прошедшему Рождеству – и читала при свете свечи из свиного сала старую потрепанную книгу, которую отыскала в домашней библиотеке. Ее окно выходило во двор, в пышный когда-то сад, теперь сплошь состоявший из старых, почти неплодоносящих яблонь, поэтому она и не видела приехавший экипаж. Только когда старая няня вошла в ее комнату, чтобы передать наказ отца спуститься вниз, она оторвалась от книги.

Это показалось ей странным, отец давно не нуждался в обществе для ужина.

– Там гость приехал, – таинственным шепотом пояснила няня, правильно разгадав ее удивленный взгляд. – Богатый, видно. С лакеем. Шуба на нем дорогая. В карете двойка лошадей. Никак свататься будет.

Последнюю фразу Лиза расценила бы как насмешку, если бы только могла заподозрить няню в способности язвить. Лизе иногда казалось, что няня испытывает перед ней чувство вины за то, что не уберегла ее от отца в ночь смерти матери. Сама Лиза прекрасно знала, что если ее когда-нибудь и выдадут замуж, то разве что за разорившегося помещика, у которого из имущества остались только старая лошадь да горстка крестьян. А скорее всего, и не выдадут. Замуж она не хотела. Не то чтобы ей так сладко жилось в отцовском доме, но здесь она хотя бы ко всему привыкла, знала, где можно спрятаться от брата и как себя вести с крестьянами, когда ей бросают очередное обвинение. В том, что ее, с рождения не такую, как все, проклятую ведьму, будут любить в другом доме, она сильно сомневалась. Однако отец велел ей спуститься, и она не посмела ослушаться.

Гость действительно выглядел солидно. Он был еще достаточно молод, но уже не юн. Лиза дала бы ему около тридцати. На нем был дорогой костюм и ботинки, явно сшитые талантливым мастером. Несколько лет назад, когда Лиза ездила в Петербург к Ольге, она видела такие костюмы на прогуливающихся по улицам мужчинах. Однако на совсем уж богача из столицы гость не походил. Было в нем что-то простое, деревенское. Не то взгляд, не то манера держаться.

Ради гостя отец все же велел Осипу принести наконец дров, а потому в печке ярко полыхал огонь, треща и сыпля искрами. Большая комната еще не успела прогреться, но воздух уже пах будущим теплом и золой.

– Ну вот, моя Лизавета, – отец сделал широкий взмах рукой, как будто Лиза была не невысокой худощавой девушкой семнадцати лет, а всем его огромным поместьем, которое несолидно указывать меньшим размахом.

Лиза подумала, что надо бы как-то поприветствовать гостя и выказать ему свое уважение, но застыла на месте, когда он повернулся к ней. Взгляд черных глаз практически пригвоздил ее к полу, и в этом взгляде не было ничего романтического, как писали в книгах о любви, которые присылала ей Ольга. Нет, Лиза просто испугалась.

Мужчина улыбнулся ей, но Лиза видела, что он лишь приподнял уголки рта, глаза так и остались серьезными, оценивающими… страшными. Он размашистым шагом подошел к ней, поклонился и хотел взять ее руку, чтобы поцеловать, но Лиза от ужаса неприлично спрятала ладони в складках платья. Мужчина выпрямился, сделав вид, что не заметил ее невежества.

– Позвольте представиться, Елизавета Андреевна, Аркадий Петрович Галушкин. Я купил соседнее поместье не так давно, поэтому, так сказать, теперь ваш сосед.

Лиза с трудом заставила себя отвести взгляд от его лица, но на большее ее не хватило. Даже когда она не смотрела на него, все равно помнила эти страшные глаза, острый нос и тонкие губы, кривящиеся в непривычной для них ухмылке.

– Лиза, – тут же одернул ее отец тем самым шепотом, который обычно призван играть на публику: все вокруг его слышат, и предназначается он окружающим, чтобы показать, что человек не одобряет того, кого отчитывает.

– Ничего-ничего, – Аркадий Петрович показательно-добродушно рассмеялся, делая вид, что его ни капли не трогает невоспитанность и откровенный испуг юной соседки и, как вскоре выяснила Лиза, все же потенциальной невесты.

Ей пришлось сидеть в гостиной около двух часов, делая вид, что она вышивает, и слушая беседу отца и гостя. Они говорили о ведении хозяйства, волнениях среди крестьян, которые набирали обороты, болезни царя-батюшки и многом другом, о чем обычно говорят малознакомые мужчины, внезапно ставшие соседями. Лиза пыталась слушать, но мысли то и дело перескакивали на старые яблони за ее окном, которые но ночам сухими ветками бились в стекло, на покосившийся забор, на черную кромку леса за ним. Все это она каждый день видела из окна своей комнаты и теперь почему-то думала, что больше ей не суждено их видеть.

Затем отец пошел проводить гостя, а Лиза так и осталась сидеть в комнате, только больше не изображала никакого рукоделия, невидящим взглядом уставившись в окно, за которым стало совсем темно. Уйти к себе без позволения отца именно сегодня она не осмелилась. Обычно для этого не нужно было спрашивать разрешения, но она чувствовала, что отец захочет поговорить. Так и оказалось.

Он вернулся почти четверть часа спустя, в тулупе, припорошенном снегом, но с довольной улыбкой на лице, какой никто в поместье уже давно не видел у него.

– Ну, Лизавета, и как тебе Аркадий?

Лиза подняла на него полный ужаса взгляд, уже догадываясь, что последует дальше.

– Жениться он на тебе хочет.

Она в отчаянии замотала головой.

– Пойдешь за него замуж? – как будто не заметив страха в ее глазах, спросил отец.

Нет, нет, только не за него.

Но кто станет ее слушать? Люди часто не слышат даже тех, кого хотят услышать. Придумывают себе слова, которые им нужны, и уже не важно, что им говорят на самом деле. А ее с самого рождения за полноценного человека не считали.

Однако отец, видимо, наконец заметил выражение ее лица, и вместо того, чтобы просто приказать, заявить, что здесь он будет решать и ее согласия не требуется, внезапно подошел к ней и положил ей руку на плечо, поймав взгляд.

– Пойми, Лизавета, это лучшее, что тебе может достаться. – Голос его звучал хрипло, пару раз он даже откашлялся, словно ему было неловко. Наверное, ему и на самом деле было неловко. Интересно, что этот Аркадий предложил отцу за нее? Тогда Лиза еще не знала наверняка, но уже догадывалась, что ее продают во второй раз. – Ну, сама подумай, что тебя ждет? Так и будешь вечно читать книжки в своей комнате? А когда я помру? Тебя же Николаша сразу выгонит. А если не выгонит, то крестьяне вилами заколют, стоит очередной корове сдохнуть.

В его голосе Лизе почувствовалась досада. Ей вдруг показалось, что отец, как и она сама, знает, что никакая она не ведьма, что не передавала ей мать ничего дурного.

Будто угадав ее мысли, он продолжил, только теперь говорил уже не неловко, не стесняясь, а с такой горечью, которой Лиза давно от него не слышала.

– Вся чернота от меня, Лизавета. Твоя маменька была светлой душой, чистой, невинной. Никогда никому ничего плохого не делала, помогала людям, как могла. Болела только много, словно моя чернота ее заражала. А мой дед с лешими водился, с чертом за руку здоровался, вот и я такой же получился. Беги от меня, может, хоть ты спасешься. Николаша, видишь…

Он махнул рукой и вдруг быстро направился к выходу. Лиза проводила его взглядом, удивляясь такой неожиданно откровенности. А по весне, когда растаял снег и земля покрылась

молодой травой, а на яблонях впервые не появилось ни одной почки, Лиза все же вышла замуж и навсегда уехала из родного дома.

Глава 9

В первый раз Марк увидел их примерно месяцев через восемь после аварии. Он все еще ходил с трудом, только с помощью двух костылей, однако это уже позволяло ему наконец покинуть надоевшие стены больницы и вернуться домой к себе, а не к родителям, как сначала настаивала мать. Видеть в глазах родителей жалость и желание в любой момент броситься и помочь ему, когда им казалось, что он сейчас упадет, было невыносимо. Дома он мог спокойно падать, подолгу лежать на полу, собираясь с силами, жалея себя, а то и вовсе плакать. Он не любил об этом вспоминать, но иногда воспоминания приходили сами, и никуда от них было не деться.

В двадцать три года сложно осознавать, что многое из того, что раньше не вызывало затруднений, теперь требует нечеловеческих усилий. А кое-что в принципе невозможно и никогда возможным уже не станет. Лежа на полу квартиры-студии и чувствуя, как разрывает на части колено, он думал о том, что так ни разу и не выбрался побегать утром, мало ездил на велосипеде, отказался поехать с друзьями прошлой зимой в горы, покататься на сноуборде. Не научился кататься на коньках, давно не гулял с девушкой всю ночь по набережным. Теперь этого в его жизни уже никогда не будет.

В один из таких вечеров, когда он не сумел дойти до стола, решив попробовать сделать это только с одним костылем, и лежал на полу, изо всех сил жалея себя, он увидел ее. Это была девочка лет двенадцати. Невысокая, худенькая. Еще не подросток, но уже не ребенок. Она стояла перед ним и смотрела на него с презрением. Не с жалостью, не с сочувствием, к которым он привык за полгода, а с презрением.

К запаху он давно привык. Потом появились голоса. Они походили на свистящий шепот, и редко складывались в связные слова и предложения. Они звучали одновременно и в его голове, и словно где-то рядом. Марк пугался этих голосов, не прислушивался, стремился тут же отвлечься на что-нибудь другое: включал телевизор, радио или просто говорил что-то вслух, даже если рядом никого не было. Голоса иногда обижались и замолкали, но чаще продолжали звучать в его голове. Он никому не говорил об этом, потому что сам уже поставил себе диагноз и боялся, что о нем узнают другие. И вот теперь он начал их видеть.

– Ты кто? – спросил он, приподнимаясь на локтях, чтобы лучше рассмотреть незваную гостью.

– Слабак, – прошелестела девочка, оказавшись вдруг ближе к нему, хотя он не видел, чтобы она передвигала ноги. – Плачешь тут как девчонка.

Она наклонилась ближе к нему, и Марк инстинктивно отпрянул назад, неудачно задев ногу. Пришлось до противного хруста сжать зубы, чтобы не закричать от боли.

– Ты кто? – повторил он.

– Ты хотя бы жив, – как будто опять не услышав его вопроса, заявила девочка. – Жив, а жалеешь себя.

Марк осторожно сел. Он понимал, что все это нереально, невозможно. Никто не мог войти в его квартиру, он же запер дверь. И ее голос был так похож на те голоса, к которым он тоже рисковал скоро привыкнуть.

– А ты нет? – спросил он, скептически подняв бровь и мысленно хмыкнув. Ну вот, он уже разговаривает с собственной галлюцинацией.

Девочка выпрямилась, и на ее лице появилась печаль, а плечи скорбно опустились.

– А я нет, – подтвердила она. – Я умерла в прошлом году. Как и ты, попала в аварию. Только меня некому было спасти.

Марк вдруг почувствовал жалость. Это было странно, как можно жалеть того, кого на самом деле нет? Однако отчасти он понял, что чувствуют другие люди, когда смотрят на него.

– А почему на тебе нет крови, если ты попала в аварию? – поинтересовался он.

Если уж она на самом деле призрак умершего человека, разве не должна выглядеть так, как в момент смерти? Ведь так всегда показывают в фильмах и пишут в книгах.

– А почему ее нет на тебе? – парировала она.

Потом она приходила к нему много раз. Марк выяснил, что ее зовут Дашей Арсентьевой, что ее родители живут в том же городе, и у нее остался младший брат Денис. Однако все равно не верил до конца в ее реальность. Ведь так не бывает. Призраков не существует.

Вскоре за ней появились и другие. Их было много: десятки, сотни. Он видел их везде. Как будто он открыл невидимую дверь, и теперь они стали приходить к нему, как непрошенные гости. Обычно видел мельком, краем глаза, не мог даже рассмотреть. Только Даша походила на человека, остальные были лишь размытыми тенями, вспышками света где-то на краю поля зрения. Марк выдержал около года, а затем пошел в клинику. Заглушенные лекарствами, призраки исчезли. И Даша вместе с ними. Затем его выписали, поставив ремиссию, а когда действие лекарств закончилось, призраки вернулись, но уже без Даши.

Лишь несколько лет спустя, когда Марк понял, что это вовсе не шизофрения, а призраки на самом деле существуют, и он теперь может видеть и слышать их, он нашел и могилу Даши. С фотографии на него смотрела та самая девочка, которая раз и навсегда отучила его плакать, лежа на полу и жалея себя. Ведь он был жив. Это главное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.